

Составитель
Евгений Кузьмишин

**КАЛИОСТРО
В ПАСКВИЛЯХ
СОВРЕМЕННИКОВ**

сборник мемуаров

Евгений Кузьмишин

**Калиостро в пасквилях
современников. Сборник мемуаров**

«Издательские решения»

Кузьмишин Е.

Калиостро в пасквилях современников. Сборник мемуаров /
Е. Кузьмишин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980407-5

В книге собраны мемуары людей, знакомых с одной из самых примечательных и спорных фигур «галантного века» — графом Калиостро, магом и целителем, шарлатаном или божественным спасителем человечества, — кто как привык думать. Эти люди видели его по-разному и по-разному же о нем судили. О чем и не постеснялись написать.

ISBN 978-5-44-980407-5

© Кузьмишин Е.
© Издательские решения

Содержание

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	6
Шарлотта фон дер Рекке	8
Описание пребывания в Митаве известного Калиостра на 1779 год и произведенных им тамо магических действий, собранные Шарлоттою Елисаветою Констанциею фон дер Реке, урожденною графинею Медемскою. Перевел с немецкаго Тимофей Захарьин. В Санктпетербурге, печатано с дозволения Управы Благочиния у Шнора 1787 года	9
Предисловие издателя	10
Друзьям моим и приятельницам в Курландии и в Германии	15
Введение	19
Записки 1779 года	28
Отрывки из Калиостровой магической философии, о которой он со мною разговаривал, писанные также в 1779 году	43
Здесь следует нечто из тех наставлений, которыя Калиостр в Алт-Ауце нам преподавал. (34)	45
Примечания и объяснения	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Калиостро в пасквилях современников

Сборник мемуаров

Составитель Евгений Кузьмишин

ISBN 978-5-4498-0407-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Калиостро в пасквилях современников

Составитель Е. Л. Кузьмишин

При содействии Национального державного святилища России и союзных стран Египетского масонства Устава Мемфиса—Мицраима

<http://memphis-misraim.ru>

Полковник. А теперь прочь!

Граф. Сударь, вы смешиваете с этим сбродом человека, который привык, чтобы его повсюду принимали с почестями.

Полковник. Повинуйтесь.

Граф. Невозможно для меня.

Полковник. Придется научить.

Граф. Путник, который всюду, куда бы ни приехал, сыплет благодеяниями.

Полковник. Увидим, увидим.

Граф. Которому надо воздвигать храмы, как божеству.

Полковник. Посмотрим, посмотрим.

Граф. Который утвердил себя повсюду как Великий Кофта.

Полковник. Чем же?

Граф. Чудесами.

Полковник. Так сотворите парочку-другую, скличьте своих духов, пусть они вас освободят.

Граф. Я недостаточно вас уважаю, чтобы показывать вам свою власть.

Полковник. Ловко придумано. Тогда подчиняйтесь приказу.

Граф. Я так и сделаю, чтобы доказать свою кротость, но вскоре я вновь явлюсь и открою вашему правителю такие тайны, что он с почетом вызовет меня, а вы будете скакать верхами перед каретой, в которой Великий Кофта вернется к славе своей.

Полковник. Увидим, увидим, вот только сегодня я никак не могу сопровождать вашу карету. Увести его!

И.-В. Гёте «Великий Кофта» (1791), акт V, явление 8.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Граф Александр Калиостро» (1743 (?) -1795) – это не столько человек, сколько образ, понятие, химера, мем, – совокупность слухов, сплетен, частных предположений и авторских фантазий огромного количества людей, запечатлевших свои умозрительные построения в литературной и художественной форме с самыми разными целями, побуждаемые самыми разными мотивами и поводами. «Калиостро» – это маска, роль, театральный костюм из ателье проката, который никогда не знаешь, где обнаружишь в тот или иной день, и кто будет в него одет. Тот, кто даст себе труд прочесть все «канонические» для современной историографии полные биографии Калиостро (их не так уж много), обязательно заключит по прочтении, что у него не сложилось в воображении образа этого человека: детали распадаются, литературная ткань расползается по швам, мозаика не складывается в целостную картину, многочисленные документы противоречат один другому, наползают друг на друга и затмевают обзор. Каждый из авторов, изучая фактически одни и те же архивные и мемуарные источники, неосознанно формирует свой образ таинственного графа, но каждый из этих «авторских» образов разительно отличается от всех прочих, двоих похожих «виртуальных Калиостро» просто не встречается в природе. Одно дело – когда это касается беллетристики: действительно, сколь различны между собой образы Калиостро в рассказе А.Н.Толстого и в пьесе Г.И.Горина, в пьесах Екатерины II, Ф. Шиллера и И.-В. Гёте, в романе А. Дюма и рассказе М. Кузмина. И совершенно другое дело – когда совершенно разные «графы Калиостро» встают призраками над страницами академических биографических изданий видных и авторитетных специалистов, историков и культурологов.

Как сказано в акте о смерти графа, составленном 28 августа 1795 г. тюремным священником в крепости Сан-Лео, *«nascitur infelix, vixit infelicio, obiit infelicissime»*¹ – «родился несчастливо, жил еще несчастливее, умер же наименее несчастливее». Так ли это? Тщательное изучение доступных в наше время историографических материалов приводит только к выводу о том, что нам доподлинно не известно, ни как он *nascitur*, ни как *vixit*, разве что мы имеем некоторое представление о том, как он *obiit*, но разве этого достаточно? Нет смысла приступать к новой авторской биографии этого человека, поскольку это значило бы попасть в плен собственных предположений и иллюзий, а уж сколько пало в эту бездну...

Было бы слишком большой банальностью сказать, что мало кто из исторических персонажей вызывал к себе столь диаметрально противоположные чувства: Калиостро повсюду сопровождали либо почитание, сравнимое с воздаваемыми одним лишь божествам почестями, либо ненависть и сотракизм, граничащие с преследованиями еретиков в самые темные века человеческой истории. Воспоминания современников о нем свидетельствуют об этом со всей очевидностью. В этой работе мы собрали мемуары – или целые книги и брошюры—памфлеты, или их большие отрывки, где тема Калиостро раскрыта полностью, – в которых те, кто виделся и общался с ним, выразили сложившееся о графе собственное мнение или просто пересказали потомкам бродившие по всей Европе байки и анекдоты о чудесном целителе, или сделали вклад в обдуманную и целенаправленную пропагандистскую кампанию, которую вели в интересах той или иной политической или общественной группы.

Многие стороны жизни Калиостро подробно и тщательно изучены его биографами и описаны в их трудах, хотя, как уже говорилось выше, нет в этой исторической фигуре ничего, что придало бы ей достаточно «плоти», чтобы она встала в один ряд с другими персонажами исторической сцены своего времени.

¹ *Photiades C. Count Cagliostro: An Authentic Story of a Mysterious Life*, Kila: Kessinger Publishing, LLC, 2003, P. 286.

У каждого – свой Калиостро. На этом придется остановиться. По крайней мере, на какое —то время, до открытия новых документальных источников или иного какого чуда.

Е. Л. Кузьмишин, к.и.н.

Шарлотта фон дер Рекке Описание пребывания в Митаве известного Калиостра на 1779 год

Елизавета Шарлотта Констанция фон дер Рекке (1754—1838) – немецкая писательница и поэтесса. После отъезда из Курляндии, где родилась и провела юность, поселилась в Дрездене, много путешествовала, оставила после себя несколько сборников стихов и путевых заметок, держала литературный салон.

**Описание пребывания в Митаве известного
Калиостра на 1779 год и произведенных им тамо
магических действий, собранное Шарлоттою
Елисаветою Констанциею фон дер Реке, урожденною
графинею Медемскою. Перевел с немецкаго
Тимофей Захарьин. В Санктпетербурге, печатано
с дозволения Управы Благочиния у Шнора 1787 года**

Ея Светлости Владеющей Герцогине Курландской и Семгальской
Светлейшая Герцогиня,
Милостивейшая Государыня!

С глубочайшим почтением вручаю я Вашей Светлости такое сочинение, коего знаменитая сочинительница, будучи сестра Вашей Светлости, столь тесною с Вами любовью сопряжена; сочинение, из коего содержания прозорливый разум Светлейшия Доротеи всю важность почерпнуть в состоянии.

Ваша Светлость, имея издавна привычку споспешествовать всему тому, что похвально и благородно, сверх того еще покровительствуете те старания, помощию коих суеверие и сумозбродство, под разными подлогами везде усиливающиеся, обличаются и выводятся вон из общества. А для того Вы и одобряли рачительно непоколебимое правдолюбие знаменитой Вашей сестры, которая все случаи, крившиися под мнимую завесою таинства, совершенно наружу вывела, дабы чрез то предостеречь добросердечных людей от будущего обману, которой над помраченными и мечтою зараженными умами весьма удачно действует. Ваша Светлость в знак Вашего благоволения изволили приказать, чтоб издатель сего сочинения Высочайшее Ваше имя в заглавии поставил. Что я и исполняю, присовокупляя только к тому чувствования глубочайшаго почтения, с коим пребываю,

Светлейшая Герцогиня Милостивая Государыня,
Вашей Светлости
всепокорнейший слуга
Фр. Николай
Берлин, 25 апреля 1787 года

Предисловие издателево

Почтения достойная сочинительница сей книги предприняла труд сей единственно из любви к истине, побуждаемая благородным желанием, насколько она будет в силах, удерживать усиливающееся повсюду сумасбродство и необузданную привязанность к чудесам, или к так называемым таинственным наукам, которыя столь много обещают и ничего не приносят. При издании в свете сего сочинения, хотя большая часть настоящих ея друзей и приятельниц, а наипаче те, кои именами в оном названы, были на то согласны, однако же иные находили в том некоторыя затруднения. Иные думали, что такой обманщик, каков Калиостр, уже столько презрителен, что нет никакой надобности в его изобличении. Они рассуждали, что ни один разумной человек не дастся уже более ему в обман; следовательно, обнаружение его обманов совсем, кажется, не нужно. Другие же, напротив, боялись, что сторона сего бродяги весьма еще была сильна. Они сверх того воображали, что многие из преданных другим магическим хитростям с ним соединятся, дабы сию, хотя сокровенную, однако же весьма распространенную, и от людей всякаго состояния поддерживаемую и с неистовым жаром защищаемую, систему показать свету некоторым образом достойною уважения; а для того и не безопасно открывать обманы Калиостровы. Они присовокупили к тому еще и другия затруднения, которыя им встречались в рассуждении состояния, рода и положения сочинительницы и советовали ей дружески не выпускать в свет сего сочинения, а поступить лучше по примеру весьма многих людей, коим хотя довольно были известны злоупотребления, происходившия в умножившихся тайных собраниях и магических разнаго рода скопищах, однако же они при всем том молчали, не смотря на то нимало, что им совершенно было известно, сколь великое втечение имели сии злоупотребления, которыя хотя и примечены были кое—где, однако в настоящую оных причину никто не хотел вникнуть. Они советовали, дабы не навлечь себе какого огорчения, не мешать тому, что в свете водится. Наконец, заставляли вспомнить сию пословицу: *«Que toutes les vérités ne font pas bonnes a dire»* («Не всякую правду хорошо говорить»), и что, по крайней мере, поле ея того требует, чтоб всячески избегать злобных поношений той сволочи, которая привязана к оным изобличенным бродягам.

И так почтенная сочинительница вынуждена была рукописныя свои сочинения сообщить многим из друзей своих, живущих в Немецкой земле, а наипаче тем, коих отменной разум и испытанная откровенность ей были известны, дабы узнать, что они чистосердечно об оных думали. Большая из оных часть предвидела важныя следствия, которыя в пользу истины от сего свидетельства могут произойти, и весьма настояла, чтоб оное сочинение печати было предано. Сочинительница и мне зделала честь, потребовав моего на то совету. Я хотя того же был мнения, что явное обнаружение может быть весьма полезно, между тем, однако ж, не упустил ей доложить, чтоб она хорошенько подумала, что самопроизвольное открытие просмотренных истин нередко сопряжено бывает с неприятными следствиями, которые я, по несчастию, опытом довольно знаю. Я не скрыл от нее и того, что для женщины сие может быть некоторым образом весьма предосудительно, чтоб впутываться в ученыя распри, которыя обыкновенно весьма редко с беспристрастием и благопристойностию оканчиваются. Но она весьма великодушно на сие отвечала, что она чувствует себя обязанною говорить истину, потому что никто, кроме ее, не может быть в таком положении, чтоб явно и безпрепятственно открыть сей обман, которым столь многие почтенные и правдивые люди были обольщены, а отчасти и до сих пор еще обманываются. Сверх того изъяснялась сочинительница, что она зрело размыслила, и все сообразила, что ей явно говорить позволяется, и о чем из особенной предосторожности ей еще молчать должно; а теперь, продолжала она, все сии затруднения, могущия произойти от сего обнаружения, о коем я тщательно размышляла, теряют свою силу, по той причине, что я совершенно уверена о справедливости моего поступка, от коего всегдашняя пользы ожидать

должно. Наконец, уверяла она с удивительной твердостью, что, по зрелом соображении, всех оных возражений твердо предприняла она выдать в свет свое сочинение, каково бы оно, впрочем, ни было; и в то же время сделала мне честь своею доверенностию, чтоб я был издателем онаго, а наипаче бы старался разными перемены и прибавления, которые она ко мне пересылала, поместить в надлежащих местах. При том она усиленно мне наказала, чтоб я в предисловии онаго непременно издателем себя назвал.

Я надеюсь, что всякой примечательной читатель везде может усмотреть в сем сочинении владычествующие следы безпристрастия, чистосердечной откровенности, благопристойности и яснаго соображения. По щастию, весьма много истине способствовало то, что знаменитая сочинительница в 1779 году, в тоже самое время, все Калиостровы предприятия, а сверх того и свои тогдашния разсуждения, для собственного своего употребления записывала. Откровенное чистосердечие, с которым она каждое обстоятельство, даже и самое малейшее, замечала, делает повествование Калиостровых замыслов столь верным и столь ясным, что нет в нем никакого недостатка. Впрочем, из записок 1779 года ясно видно, за какого чуднаго человека почитала тогда сочинительница Калиостра; из них можно заключить, что она ничего с умысла ко вреду его не написала; а из того рождается совершеннейшая доверенность к ея сочинению.

Но ежели разсудить, с какою обыкновенно силою однажды напряженное воображение начинается и продолжается, то удивиться надобно твердости духа, с коим сочинительница посредством глубокаго размышления и беспристрастнаго изследования от таких предразсудков могла освободиться. При всем том, однако ж, сия редкая духа твердость не так бы скоро могла знаменитую сию женщину привести на истинной путь, ежели бы непоколебимыя ея правила нравоучения, на которых основывается мудрый ея закон, не подали ей помощи. Сие легко усмотрится по прочтении со вниманием записок 1779 года. Хотя она в то время питала в себе высочайшее мнение о Калиостре, хотя душа ея преисполнена была пустою надеждою видеть духов, и хотя она в сих мыслях имела неограниченную доверенность к сему чудотворцу, однакож нежное ея и добродетельное чувство ни на одно мгновение ока ее не оставляло. Сие чувство тотчас открыло ей глаза в разсуждении сего обманщика, когда он нечаянно некогда снял с себя личину высокия добродетели, чрез которую он и доверенности ея удостоился; а имянно она приметила в нем некоторую склонность к мщению. Сие благородное расположение души, сие неповрежденное чувство нравов напоследок такую возымело силу в добродетельном сердце Элизы, что обманщик сей уже в настоящем своем виде взору ея представился. В примечаниях, писанных в 1787 году к первой записке, также всякому покажется удивительна острота ея разума, где она с таким искусством умела изобразить перемену собственных своих понятий; так что мы ясно видим, каким образом любовь к истине и столько же искренняя, сколько и разумная, о законе понятия, избавили наконец благородную ея душу от сумозбранных предразсудков. Откровенность, которая видна в чистосердечном признании прежних ея заблуждений в предосторожность другим, которые еще впредь могут быть обмануты, заслуживает глубочайшее почтение от всякаго человека, любящаго истину. Кажется, не для чего спрашивать, полезна ли, или еще и нужна ли, такая предосторожность, когда всякой знает, что умышленной обманщик (которой еще, по-видимому, без всякаго сумнения, нарочно послан от самага коварнаго общества, для положения основания какому—нибудь будущему предприятию) посредством самага грубаго и ощутительнаго² обмана совершенно прилепил к себе немалое число весьма почтенных, чистосердечных, разумных впрочем и благомыслящих людей, единственно для того, что они при пылком воображении уже прежде весьма сильно вникли

² Такого рода обман различными образами в действо производится. Повесть о мнимом призывании духов, которое в большем Немецком городе, от одного Аглинскаго Жида было предпринято, с весьма вероятным изъяснением обмана, заслуживает от охотников к подобным вещам быть читана в Функовой Естественной Магии (Берлин 1783 года, стран. 225) и принята в разсуждение, сколь легко чрез шуточныя свои диковинки грубые обманщики могут выдать себя за величайших чудаков.

в систему магических предрасудков и издавна основали на ней мрачные ожидания чудесных происшествий.

Всякому известно, сколь великое мнение произвел о себе во многих людях обманщик сей в Петербурге³, в Варшаве, в Страсбурге, в Лионе и в Париже, какое множество имел он сообщников, да и теперь еще некоторые люди не стыдятся выдавать его за необычайного человека. Таинственные и магические системы разных родов, без сомнения, еще во всех землях весьма в употреблении. Оне столько же действуют в людях, сколько суеверные чувства в законе, которые воспаляют сердца толикаго множества добродушных людей, не делая в разуме ни малейшаго просвещения; так что дух весьма легко заражается темными и лживыми мечтаниями, которые тогда всякому коварному обманщику отворяют путь во глубину наидобродетельнейших сердец. Кто ж бы такой мог иметь больше права предостеречь от сих вредных действий збивчиваго воображения, кроме той, которая, будучи друг истине, сама над собою печальный опыт делала! Кто может с большим успехом в сем случае дать наставление, нежели сия любительница правды, которая родом, великою душою, основательными познаниями и истинным благочестием заслуживает величайшее почтение!

Судя по нашим временам, я имею добрую надежду, что благородная откровенность сей любительницы истины возымеет весьма спасительное действие, а наипаче когда светлыя и ясныя понятия столь часто помрачаются таинственными мечтаниями, и когда сии таинственные мечтания, сия питаемая пустым мраком надежда столь сильно ко вреду множества откровенных сердец над ними действует. Может быть, сим примером и другие ободрятся с такою же чистосердечною любовью к истине обнародовать свои мысли о таинственных обетах и о магических обманах. Сие, без сомнения, будет самое верное средство против распространившагося вреднаго действия сих бредней, которые, конечно, гораздо больше имеют силы, нежели истинное любомудрие, и которые тем больше час от часу усиливаются, чем сильнее сила воображения мнимую надежду к чудесам напрягается, и чем меньше прилагается старания к изобличению всегдашняго плутовства.

Сверх того, обыкновенная в таких случаях скрытность, что редко кто захочет после сам о себе подумать, или другому открыть, каким он образом был обманут, подает всегда больше поводу предприимчивым людям играть вновь с небольшими лишь переменами ту комедию, которую уже раз им удачно сыграть случилось, и тем больше привлечь людей на свою сторону, нежели как представить себе можно. Я очень знаю, что о таких делах для разных причин трудно все говорить. Да и теперь, ежели бы почтенная Элиза разные случаи без всякой пощады, которая некоторым образом до сих пор была нужна, имела способы обнародовать, то бы смелость обмана, хитросплетенное расположение и дальнейшее намерение обманщика или пославших его еще гораздо яснее могли быть изобличены. Защитники сих магических систем, а наипаче те предприимчивые люди, которые с помощью оных столь удачно умеют пользоваться легковерностию людей, весьма тем себя утешают, что обманы их никогда со всех сторон открыты быть не могут, и что они без всякаго опасения на многое отважиться в состоянии. Но для того то правдолюбивые люди, которые, конечно, уверены, что, по их примеру, другие могут себя предостеречь и не должны молчать, по крайней мере, о том, что сказано быть может. Ежели бы таких примеров было больше обнародовано, что сии мнимыя чудеса не что иное суть как обман, да и обман еще самой грубой, то бы все сии сумозбродныя мечтания мало—помалу

---

³ Между тем не удалось Калиостру исполнить в Петербурге своего главнаго намерения, а имянно уверить ЕКАТЕРИНУ ВЕЛИКУЮ о истине искусства своего. Сия несравненная Государыня тотчас проникла обман. А то, что в так называемых записках Калиостровых (*Memoires de Cagliostro*) упоминается о его делах в Петербурге, не имеет никакого основания. Ежели нужно на это доказательство, что ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ – явная неприятельница всякой сумозбродной мечты, то могут в том уверить две искусным Ея пером писаныя комедии: «Обманщик» и «Обольщенный». В первой выводится на театр Калиостр под именем Калифалджерстона. Новое тиснение сих двух по Сочинительнице и по содержанию славных комедий зделает их еще известнее в Германии.

сами собою исчезли, и никто бы не захотел тайными и суеверными средствами выше естественного возвыситься духом, а старался бы всякой влиянный в него от творца силы с разумом и по предписанному Богом порядку употреблять. Монтань, великой знаток в людях, говорит⁴: «Хотя бы мы и на ходули влезли, однако ж всякой знает, что мы на них ходим также ногами».

Я бы мог еще много говорить о Калиостровой неудобопонятной магической системе⁵ (которая хотя и наполнена темными и обоюдными загадками, однако ж я ее нарочито понимаю), также о весьма удивительном ее согласии с столь славною и весьма малым числом людей понимаемую книгою «*Des erreurs et de la verite*»⁶. Мне во многих местах сего сочинения, из коего ясно видно, с какою хитростию всегда старался Калиостр свою магию согласить с Христианским законом⁷, часто приходило в голову, чтоб объяснить вредныя следствия, которыя могут произойти, ежели ложь с истиною, ежели збивчивыя и таинственныя магическия воображения с чистыми и ясными понятиями закона душевнаго, благочестиваго и мудраго Христианства столь хитрым образом будут связаны. Неустрашимая сочинительница и в сем случае ободряла меня к открытию моих мыслей; но я по зрелом размышлении за лучшее почел, чтобы к оному сочинению никаких примечаний от себя не прибавлять. А только надобно мне здесь к зделанному на 49 странице введения примечанию упомянуть, что о мнимом алхимисте, Надворном Советнике Шмиде в первой тетради покойнаго господина Советника Карстена, в физиохимических сочинениях (в Галле 1787, вол. 8, стран. 84 до 92) находится примечание, где также доказывается неделность мнимых его замыслов.

Наконец, я думаю, мне позволено обратиться к тем, которые с некотораго времени всегда столь решительно держали сию сторону и которые столь жестоко горячились, когда кому—нибудь вздумается умными очами взглянуть на сии помраченныя чувства, на сей таинственный бред и на сию пустую надежду увидеть чудесныя тайныя действия; к тем, которые до сих пор лучше хотели верить неудобопонятному вздору и неограниченным мечтаниям напряженнаго воображения, нежели благоизобретенным правилам спокойнаго разума! Смею ли я им напомнить, что непоколебимая и необманчивая любовь к истине, сопряженная с состоянием и родом благородной сочинительницы, по крайней мере, в сем случае, без сумнения должна несколько поумягчить их неудовольствие, или, по крайней мере, положить оному границы, которыя они до сих пор иногда преступали. Смею ли привести им на память, что они и сами, ежели им удастся одержать над собою победу, без сумнения великую от того получать пользу, потому что тогда одержит верх спокойное размышление и безпристрастное исследование, которое, конечно, подаст повод к заключению союза между такими людьми, коим бы не было тогда никакой причины друг друга ненавидеть, ежели бы с обеих сторон любовь к истине была первым предметом. Положим, что один или другой не в состоянии бы был одержать над собою

⁴ «*Si avons nous beau monter sur des échafes, car sur des échafes. encore faut il marcher de nos jambes*». Он же говорит: «*Les plus belles vies font a mon gré celles, qui se rangent au modèle commune et humain avec ordre: mais sans miracles, sans extravagance*» (Самой, на мой взгляд, прекрасной жизнью живут те люди, которые равняются по общечеловеческой мерке, в духе разума, но без всяких чудес и необычайностей.). *Essais de Montaigne*. Tome IX. Livr. II. chap. 13. Edit. de Londres. 12. 1769. pag. 245.

⁵ Может быть, здесь кстати можно упомянуть, что Калиостр другою, хотя не совсем от прежней отменною системою, в Лондоне начинает искать себе сообщников, и что действительно их находит. А особливо умел он вкрасться в тесную дружбу известнаго Лорда Гордона. Такой обманщик, каков Калиостр, весьма удачно может действовать над людьми, имеющими пыльное воображение и открытую душу. По сей причине, уже многих из Шведенборговых последователей склонил он на свою сторону, которых в просвещенном Лондоне гораздо больше, нежели как представить себе можно; наипаче же действует он на тех, которые в Лондоне завели так называемое *Theosophical Society*, такое заведение, которое достойно отменнаго любопытства.

⁶ Луи—Клод де Сен—Мартен «О заблуждениях и истине» (1775, первое русское издание 1785). — *Прим. ред.*

⁷ Одного обстоятельства, которое при чтении сего сочинения вспало мне в голову, я не могу оставить в молчании. Приметно, что Калиостр весьма часто ссылается на Библию ветхаго и новаго Завета и что он, следовательно, должен быть об ней довольно сведущ, когда ему тотчас встречаются в памяти приличныя к его намерению места. А как всякому известно, что у Католиков светским людям Библии читать не позволяется, которая по сей причине им обыкновенно бывает незнакома, то из сей частой на Библию ссылки не весьма ли вероятно можно заключить, что Калиостр должен быть Католической поп. Я не упоминаю о других разных обстоятельствах, по которым догадка сия кажется нарочито вероятнаго достойною.

сию победу, то, по крайней мере, пусть он вспомнит, что в таком случае не о благомыслящей, откровенной и правдолюбивой сочинительнице, но об нем должно будет сожалеть; пусть он вспомнит, что есть и кроме него такие безпристрастные и почтения достойнейшие люди, которые мало делают шуму, но с осторожностью и с безпристрастием обо всем судят; похвала их и нарекание не бывают скоропоспешны и проходчивы, но всегда основательны и постоянны; а для того то они только одни и дороги для человека, любящего истину, которой общественной пользе себя посвящает.

Фридрих Николай
В Берлине
25 Апреля 1787 года

Друзьям моим и приятельницам в Курландии и в Германии

Здесь видеть можно записки о Калиостре, которых издания некоторые из друзей моих и приятельниц желали, а некоторые опасались. Вам, почтения достойнейшие мои друзья, коих желание изданные в свете сии листы могут удовольствовать, я ничего более не скажу, как только то, что я охотно повиновалась вашему ободрению сделать сию жертву истине; ибо сия же самая истина меня в том уверила, что закон и добродетель от меня требуют открыть свету часть известных мне обманов, и чрез то предостеречь множество добрых людей, чтоб они не попали в ту пропасть, от которой провидение меня избавило.

Ваше ободрение, дражайшая бабушка⁸, принесть в предосторожность другим пред целым светом верное признание в прежних моих суеверных мечтаниях, весьма много способствовало к исполнению желания друзей моих. Колико безпокойств, колико огорчений ощутило матернее ваше сердце, видя меня замешавшуюся в такое общество, коего Калиостр был начальником. Ты любезная мать, ты тотчас проникла человека, на коего дитя твое и некоторые из ея друзей как на пророка Божия взирали! Боже, дай, чтобы сия из глубины сердца вопиющая благодарность, которую я теперь пред целым светом за мудрые ваши советы вам воздаю, которых однако ж я, погруженная во тьме суеверия, внимать не хотела, чтоб благодарность сия, говорю я, возмогла истребить из вашего матерняго сердца то огорчение, которое я некогда в моей жизни вам причиняла! Я же, с моей стороны, тем с большим веселием буду благодарить Творца моего, взирая на сие прошедшее время, потому что оно было мое воспитание, оно научило меня в безопасности по свету странствовать, и показало мне путь к вечности.

Теперь я к вам обращаюсь, дражайшие мои друзья и приятельницы, которым для разных причин желалось, чтоб я сие сочинение уничтожила. Сие желание ваше родилось, без сомнения, от попечения вашего о моем спокойствии; но была ли бы та душа достойна вашего дружества, которая бы из малодушия или от мягкосердия захотела отстать от такого предприятия, коего польза рода человеческого требует? Не совет ли наша отдает нам справедливость? И истинное блаженство человека не от него ли самого зависит? В таком случае, может ли что —нибудь значить площадное мнение? Итак, не опасайтесь, дорогие друзья мои, не опасайтесь о моем спокойствии, поелику я ни чрез какой постыдной поступок себя не обезславлю и ни единого шага такого не сделаю, которой бы мог меня о самомалейшем моем деле привести в раскаяние. Опыт и разум уверяют меня, что издание сего сочинения будет полезно роду человеческому; и ежели совесть моя запрещает мне о нем молчать, то я охотно повинуюсь гласу, повелевающему мне принесть истине сию жертву. Положим, что я подам чрез то повод к насмешкам неправедных кривотолков; но они меня нимало тронуть не могут, кольми паче отвратить от моего намерения, потому что я пред Богом могу сказать, что одно лишь желание избавить добродетельныя души от повреждения вложило в меня смелость при теперешнем случае, когда суеверие и сумозбродство сделались столь обыкновенны, самой уверить моих современников, чтобы каждой человек, попавшийся на путь желания к чудесам и к сверхъестественным силам, по коему и я некогда странствовала, мог видеть, куда он его ведет. Вся моя прозьба до вас! — чувствительные друзья мои, а особливо до вас! — еще больше чувствительныя приятельницы, состоит в том, чтоб вы с такою же холодностию принимали недоброжелательныя толки о сем сочинении, с какою я сама их принимать буду. Будьте уверены, что незаслуженная похвала лишь одна в состоянии возмутить мой покой, справедливая же хула — никогда; и что пока я буду иметь место в добродетельных ваших сердцах, чем я уже несколько лет имею

---

⁸ Госпожа старостша фон Корф, урожденная фон дер Вален, бабка сочинительницы с матерней стороны. Дама, имеющая от роду 82 года, которую все вообще в Курландии почитают, коей дом отворен для всех чужестранных, и которая при первом свидании всякаго почитать себя заставляет.

шастие наслаждаться, до тех пор ничто не в силах нарушить моего спокойствия. Ибо обладание дружбы вашей несравненно для меня дороже, нежели толки тех, которые мне ни чести, ни безчестия сделать не в силах, потому что они не ведают побудительной причины моих поступков.

Тебе, дражайший друг *****, которой сперва желал видеть Калиостра в сем сочинении обнаженного, а теперь воображаешь, что я напрасно подвергаю себя всенародным толкам, когда и без того уже известно, что Калиостр обманщик и что истина сия, которую я еще подтверждаю, может быть, ко вреду моему, уже целому свету известна, так тебе! – и всем тем, которые одного с тобою мнения, я должна сказать, что для изобличения одного Калиостра в теперешнем его положении я бы в жизнь мою не обнародовала сего сочинения, ежели бы я не была совершенно уверена, что кроме Калиостра, Шрепфера и Гасснера, есть еще многия тихим образом повсюду ползающия орудия властолюбивых Езуитов, которые множество честнейших людей обольщают ложными обещаниями о доставлении им сверхъестественных сил, и наподобие Калиостра заводят общества, дабы помощью оных достигнуть до своего намерения, которое в том состоит, чтоб слепую верою и слепым послушанием покорить людей под свое иго; и, конечно, со временем сие им удастся, ежели нет еще ни одного человека из обманутых ими, которой бы осмелился громко и верно, с позволения столь многих еще живых участников таковой истории, все открыть, дабы чрез то другия добродетельныя души, которыя, желая быть лучшими, обманываются подобными обольщениями и плутовствами, могли сравнить здесь сказанное с тем, что над ними играется, и изследовать, сколь много имеют сходства между собою предлагаемыя им учения и обещания с наставлениями и плутнями Калиостра.

Мне также должно мимоходом оправдаться пред некоторыми из друзей моих, для чего не последовала я их дружескому совету в том, что сочинение сие издаю под своим именем, а не безымянно. Я в тех мыслях сие сделала, чтоб свет безопаснее мог поверить моим словам и чтоб сумнение, которое столь часто бывает сопряжено с легковерностию, не могло здесь иметь места. Мне часто случалось слышать, что иногда называли ложными и вымышленными истинныя, или, по крайней мере, весьма вероятныя приключения; примером может служить в Берлинских ежемесячных сочинениях упоминаемая история некотораго безымяннаго протестантскаго проповедника, коему в некоем тайном обществе даны были семь Католицких духовных преимуществ⁹. Для сей причины и я вздумала без покрывала, под своим именем свету показаться, ибо теперь, по крайней мере, все те, которые меня знают, ни мало не усумнятся о справедливости следующего описания. Те же, напротив, кои желают в том лучше увериться, а на мое свидетельство не совсем полагаются, могут сюда писать, где еще многие из названных мною участников тогдашней нашей с Калиостром связи в живых находятся.

Ежели безпристрастно сравнить сие описание Калиостровых поступок с историею вышеупомянутаго протестантскаго духовнаго и с другими сему подобными редкими случаями, происходящими во многих ныне заведенных обществах, то всякой начнет примечать, что все сии разныя басни о достижении сверхъестественных сил и о сопряженном с ними земном и вечном блаженстве не что иное суть, как разные отрасли от одного стебля.

А тебя, нежная и любви достойная приятельница *****, которая столь много печется о безопасности моей жизни и даже до того, что боится, чтобы кроющиеся повсюду злодеи и меня также, как вечной памяти достойнаго Ганганелли¹⁰, тайным ядом не отравили, тебя

⁹ Вероятнее всего, имеются в виду публикации протестантского теолога Фридриха Гедике (1754—1803) в «*Berlinischer Monatschrift*» в декабре 1784 – марте 1785 гг., которые он осуществлял вместе с двоими другими членами «триумвирата немецкого Просвещения» – Фридрихом Кристофом Николаи (1733—1811), издателем настоящего документа, и Иоганном Эрихом Бистером (1749—1816), – в рамках борьбы с «криптокатолицизмом» в масонстве. Эта кампания журнальной полемики длилась около десяти лет, начиная с публикаций Иоганна Иоакима Кристофа Боде (1730—1793) в 1773 г. – *Прим. ред.*

¹⁰ Джованни Винченцо Лоренцо Ганганелли (1705—1774) – Папа Римский Климент XIV, будучи кардиналом составил в 1769 г. доклад о непричастности евреев к ритуальным убийствам христианских младенцев и выведении их из—под юрисдикции Инквизиции, в 1773 г. был избран Папой, немедленно выпустил буллу о роспуске Общества Иисуса (иезуитов), менее чем через год умер. Ходили слухи о его отравлении иезуитами, к тому времени фактически управлявшими Инквизицией. –

не должно ли мне стараться в разсуждении сего успокоить? Во—первых, я думаю, что издание сего сочинения не столь важно, быть может, чтоб меня захотели за него на тот свет отправить; а сверх того, любезный друг, я весьма твердо верю, что ниже воробей не может с крыши слететь без воли того, которой мудрым и милосердным оком взирает на жребий всех своих творений. Наконец, скажу тебе, дорогая моя! – не все ли равно, горячка ли, молния, или яд манием провидения оканчивает наше земное странствование и преобразует нас в совершеннейшее существо? Кроме же всево етова нет ничего вернее смерти в сем свете, наполненном неизвестности. Она не может быть злом для того, кто с верностию долг свой исполняет; ибо умер Сократ, умер Мендельзон, умер и Фридрих несравненный. Путь, по которому шли сии великие люди, и нам всем необходим. Без ужаса и без желанья должны мы ожидать того часа, в которой сбросим с себя сию брэнную одежду. Сколь ни наполнен веселиями свет сей, сколь ни сладка кажется нам жизнь, но безконечно большаго и превосходнейшаго блаженства должны мы ожидать в будущем веке, ежели мы сию временную нашу жизнь употребим на то, чтобы делать добро, сколько сил наших достанет. Итак, любезной друг, ежели Творец святою своею волею определил число дней наших, то я не знаю еще, позволено ли нам из страха смерти, из страха какого—нибудь нещастия отложить такое предприятие, о котором мы уверены, что оно важнейшим образом может служить к усугублению блаженства рода человеческого.

Пред вами, почтенной и добросовестной друг *****, я за долг почитаю принести явное оправдание в разсуждении вашего сумнения о издании сего сочинения, ибо другие подобные вам чувствительные люди могли бы мне причесть в вину, что я чрез сие сочинение преступаю мою клятву. И о сем, любезной мой друг, я весьма долго и зрело размышляла. Заметь лишь только то, что я обо всех обрядах ложи умалчиваю, не даю об них никакого известия и никакого примечания не делаю. Я принуждена была зделать присягу о содержании их в тайне. Впрочем, я оставляю сие решить людям, знающим права, и философам, может ли быть таковая присяга ненарушима, или, по крайней мере, невозвратима, а наипаче в таком случае, когда сия новая должность, о коей молчать должно, противоуборствует другим должностям, кои гораздо ея важнее¹¹, обо всех оных вещах я однакож умолчала. Но я нимало не была обязана к содержанию

Прим. ред.

¹¹ Некоторое примечательное о сей материи место из книги «*Vorläufige Darstellung des heutigen Jesuitismus, der Rosenkreuzerey, Proselytenmacherey und Religionsvereinigung*» ([Иероним Захаровский] «Предварительный обзор ново—иезуитских, розенкрейцерских, прозелитирующих и религио—объединительных союзов», Франкфурт, 1786. – Прим. ред.), хочу я здесь включить, советуя при том прочесть самим книгу сию для лучшаго уразумения, сколь вредно обязываться присягою в молчании в разсуждении такого общественного союза, коего ни должностей, ни начала точно не знаешь. Безымянной сочинитель говорит в сей книге, стран. 350: «Но вы скажете, почтенные любезные братья, как может такой—то брат столь явно о сем ордене говорить, когда вышние онаго начальники хотят, чтоб о бытии онаго, яко о высочайшей тайне, никто говорить не отважился? Вы, может быть, станете меня обвинять, что я забыл наложенную на меня так, как и на вас самих, от начальников обязанность, что бы им только одним открывать все касающееся до ордена, а от прочих от всех таить. Выслушайте же меня наперед, п [очтенные]. л [юбезные]. бр [атья].. прежде нежели станете меня судить. Какое имеют право незнакомые люди меня, или всех вас, обязывать присягою? Сие обязательство тем меньше может быть действительно, что сии незнакомые люди себя в разсуждении нас ничем, а нас в разсуждении себя всем обязывают. Вот настоящее львиное общество (*Societas Leonina*), которое никаким правам не подвержено. Сверх того, п. лю бра., подумайте еще и о том, что должности, которыя налагают на нас сии люди, не могут освободить нас от важнейших должностей. Прежде нежели я дал мою присягу ордену, я уже присягал моему Государю и отечеству наблюдать все то, что служит к его пользе, и не только открывать, но и препятствовать тому, что может для них быть вредно. Прежде нежели обязывался я О [ордену]. – имел уже я, так как человек, естественной долг исполнять все то, что служит к пользе рода человеческого, и препятствовать тому, что ему во вред. Во всяком случае, когда одна должность другую разрушает, совесть должна решить, что должно предпринять честному человеку; а я следую моею совести. Обязательство, которое мы делаем О. – может ли нас отвлечь от наших прежних важнейших должностей? Может ли оно нас принудить забыть главныя и священнейшия наши должности? Сохрани вас Бог, п. л. бр., от таких мыслей! Из того бы следовало, что люди, которых вы не знаете, могли бы иметь над вами гораздо больше власти, нежели Государь, и отечество, и благосостояние всего рода человеческого. Нет, почтенные братья, не думайте вы таким образом, пока еще благородная Немецкая кровь в жилах ваших льется, пока вы истинные протестантские Христиане, пока еще вы друзья человечества и верные сыны отечеству своему. Итак, п. л. бр., не причтите мне в вину, что присяга сия, которую я дал незнакомым людям, к коим я ныне, внимая безпристрастно уже несколько лет все их поступки, по справедливости потерял мою доверенность, что присяга сия, говорю я, не в силах принудить меня к молчанию об ужасных сих злоупотреблениях, которыя во тьме таинства час от часу усиливаются и которыя весьма опасны быть могут отечеству, людям вообще и благосостоянию протестантства.

в тайне всех упоминаемых здесь Калиостровых учений и обманов. Калиостр сам меня ободрял по прошествии одного года (конечно, по выбору) обнародовать, какая чудеса мы пережили. Без сомнения, ему в голову не приходило, чтоб я, при тогдашней моей душевной слепоте, могла когда—нибудь на путь истины обратиться; и так показалась я ему достойным орудием, с помощью которого, конечно, надеялся он больше людей покорить таинственной своей и чудесной силе. А теперь, когда я все сии чудеса и учение признаю за хитровымышленный обман, теперь была бы я виновата в своей совести, ежели бы я скрыла пред светом сии познания о Калиостре.

Наконец обращаюсь к вам, благородныя души, исполненныя святою ревностию к тому обществу, которое уже и в тленности своей с высочайшими духами сравниться силится! О! естли бы сии мои искренния увещания могли вас зделать осторожнее в разсуждении того пути, по которому вожди ваши идут вместе с вами, и показать вам яд, кроющийся в сих таинственных обязательствах и во всех сопряженных с ними толь лестных обещаниях, которыми вас обольщают! Колико бы для меня благословен был час, в которой приняла я намерение выпечатать сие сочинение! Но я предвижу мою участь, какую я буду иметь от многих из вас, откровенныя души! – которыя Христианской закон почитаете наполненным таинственными учениями. Многие из приятельниц и друзей будут меня изгонять с некоторым внутренним сожалением из того места, которое я в сердце у них занимала, потому что я собственным моим опытом знаю, что все сии учения к тому клонятся, чтоб в тине суеверия нас погрузить, из коей великий Лютер начал нас освобождать. Но при сем воображении утешаюсь я тем, что по малом числе скоротечных лет будем мы там, где истина в чистейшем своем свете блистает, и где те, которые с чистым сердцем пеклися о истинной и мудрой добродетели, опять свидятся и будут друг друга любить, хотя бы они и различно на сем свете мыслили. Что ж до меня касается, дорогие мои! – то моя дружба к вам тем нимало не помрачится, что мы зделались разных с вами мыслей и что вы и до сих пор еще ищите сокрытия мудрости там, где я теперь по моем просвещении бездну бед полагаю. Ибо пока достоверность о справедливости, а не умышленное какое или корыстолюбивое намерение наполняет душу ревностию к своему мнению, которое к добру клонится, до тех пор она для меня почтенна и любезна, хотя бы, впрочем, она меня от заблуждения и ненавидела. Итак, ежели я чрез обнародование сего сочинения и лишусь какого—нибудь друга или приятельницы за то, что я иначе мыслила, то успокою себя тем, что оные друзья опять меня полюбят в том месте, где и теперешней мой поступок будет судиться пред Престолом Создателя, которой один только совершенно может судить и различать цену наших действий.

*Ш. Е. К. фон дер Реке,
урожден. Графиня Медемская.
Митава
18 марта 1787 года*

Боже всемогущий! Ты зришь все наши помышления, ты ведаешь, праведно ли присвоают себе сии незнакомые люди власть духовную, ссылаясь ложно на Тебя, яко бы Ты им ону даровал! Располагай мною по искренности сердца моего и по чистоте моих намерений, которыя Тебе яко Сердцеведу совершенно известны». Сие место, как я после нашла, взято из Берлинскаго ежемесячнаго сочинения (1785, Август), откуда большая часть выписана в сию хваленую мною книгу с некоторыми, однако ж, прибавлениями.

Введение

Тому, кто не почитает за нужное с точностию изследовать обманы Шрепфера, Гасснера¹², Калиостра и других сим подобных бродяг, непонятно кажется, чтоб оные потаенную свою власть столь далеко распространили и чтоб они во всей почти Европе и по сие время могли иметь потаенных сообщников.

Но, к сожалению, сие весьма неоспоримо, что многие люди, имеющие, впрочем, наидобротельнейшее сердце и одаренные отменными качествами душевными, далися в обман сим бездельникам и допустили себя заманить в их лабиринт, наполненной тайностями и ухищрениями. Каким образом человек мало—помалу доводится до того, что начинает верить невероятному, о сем хочу я сообщить свету то, что я собственными опытами знаю. А понеже Калиостр в сочинении, писанном к своему защищению, сослался на наше свидетельство, то я за нужное сочла в Берлинских ежемесячных сочинениях¹³ из любви к истине предостеречь общество от сего хитраго обманщика и от опасной склонности к духовидению. С тех пор услышала я от всех сторон прозбы, чтобы самым делом доказать, что Калиостр – обманщик, а не колдун¹⁴. И так, приняла я твердое намерение обнародовать сие сочинение, а тем с большею охотою я сие зделала, когда увидела, что весьма многие из сочленов заведеннаго здесь Калиостром за несколько лет пред сим тайнаго, но явно, однако ж, обманутаго общества, объявили мне свое согласие, чтобы я издала в свете приличныя к сему случаю записки, писанныя мною в 1779 году, в коих вся связь обманов хитраго сего плута обнажится.

Каким образом Калиостр с самага начала мог столь много ослепить наше воображение, сие я, освобождаясь благополучно от таинственных мечтаний, из следующих обстоятельств ясно поняла. Отец мой¹⁵, сей от всех своих знакомых любимый и почтенный муж, коего благородное сердце всякому было известно, и подобной ему брат его¹⁶ еще в молодости своей имели великую склонность к химии и к таинственному любомудрию, потому что оба сии братья от одного учителя были воспитаны, коего они весьма любили, которой – или наипаче брат его, Надворной Советник Миллер, – даже до самой своей смерти в химии, или, лучше сказать, в алхимии упражнялся. В Гентской академии оба братья свели весьма тесную дружбу, которая до самой их смерти продолжалась, с некоторым Надворным же Советником Шмидом, которой после того в тайных обществах был весьма замешан, и по некоторому случаю не в давнем еще времени много шуму о себе наделал¹⁷. В Галле около 1741 года оба братья посвятили себя Масонству, которое они и тогда уже, по уверению учительскаго брата Миллера и Надворнаго Советника Шмида, с магиею и алхимиею соединенным почитали.

Тридцать лет уже прошло, как отец мой и брат его безпрестанно занимались сею мнимою таинственною наукою, читали и трудились, как вдруг появился у нас Калиостр, и театр,

¹² Иоганн Георг Шрепфер (1730—1774) – владелец кофейни в Лейпциге, один из деятелей раннего немецкого Ордена злато—розового креста, прославился сеансами вызывания духов (описание одного из них содержится в «Письмах русского путешественника» Н.М.Карамзина). Иоганн Йозеф Гасснер (1726—1779) – сельский священник в Регенсбурге, воспитанник иезуитов, занимался вызыванием духов и предсказаниями будущего. – *Прим. ред.*

¹³ 1786 года, Майя. Стр. 395 и сл.

¹⁴ Тем, которые выражения обманщика и колдуна за одно почитают, должно мне сказать, что по мистическому или таинственному расположению вещи одна за другою следуют таким образом: «Колдовство есть подражание чудесных сил, а мошенничество есть подражание колдовства. Безбожие есть начало того и другого: из безбожника бывает колдун, а из колдуна мошенник». Ежели сие изъяснение покажется непонятно тем, коим связь таинства не известна, то я должна им сказать, что сие есть свойство мистической науки, чтоб множеством пустых слов и темными чувствами помрачить в человеке здравой разум и все таким таинственным узлом запутать, чтоб никто ничего не мог понять. Итак, обман, без сомнения, есть источник колдовства и мошенничества.

¹⁵ Покойный Рейхсграф фон Медем, Кавалер Королевских Польских Орденов Белаго Орла и Св. Станислава.

¹⁶ Покойной Ландмаршал и Главной Советник фон Медем, Кавалер Королевскаго Польскаго Ордена Св. Станислава.

¹⁷ Смотри о нем Креллевы новейшия изобретения в химии, част. II, стр. 59, и част. X, стр. 139.

на котором ему должно было играть, нашел уже довольно предуготовленным, тем паче, что и его Превосходительство господин Обер-Бург-Граф фон Говен, хороший друг отцу моему, воспитан был дядею своим, братом матери, который весьма привязан был к алхимии. И в молодости своей (когда из без того при деятельном духе и при пылком воображении легко рождается склонность к сверхъестественным вещам) сей молодой любитель истины в Страсбурге познакомился с некоторым тайноиспытателем¹⁸, которой выдавал себя за сообщника с высшими духами и господина фон Говена с помощью разных ослепляющих хитростей так умел к себе привязать, что сей, хотя впрочем муж проницательного разума, до тех пор питал в себе склонность к таинствам, пока зделанные Калиостром некоторые опыты и дальнейшее размышление не уверили его наконец, что на сей дороге для того только быть нужно, чтоб узнать сию истину, что можно быть иногда игралищем хитрых мошенников.

В самых первых годах моего ребячества я множество наслышалась рассказов о алхимии и о магии, или, так сказать, о колдовстве, о Шмиде и об Миллере; и Шведенборгова¹⁹ наполненная чудесами история была повсюду главным предметом разговоров. Однако ж в начале моей молодости все сии рассказы столько же имели надо мною действия, сколько сказка о Синей Бороде, и я с большим удовольствием утешалась балами или концертами, нежели сею беседою с духами.

На шестнадцатом году моего возраста вышел за муж, переменила я шумную жизнь большого света на тихое и спокойное деревенское уединение. Там за недостатком других упражнений принялась я за чтение без всякаго намерения, порядка и разбору. Виландовы первыя сочинения, а особливо его симпатии, Кронекковы уединения, Юнговы ночи и Лаватеровы сочинения составляли для меня наиприятнейшее упражнение, от чего душа моя весьма скоро наполнилась суеверными в законе чувствами²⁰. А наипаче Лаватеровы сочинения: о силе молитвы и его дневныя записки нашли путь во глубину моего сердца. К Иисусу Христу, коего блаженным учением вся моя душа напиталась, я ощущала тогда некоторый род суевернаго почтения и любви. Я и поныне еще благодарю Творца моего, коего промысл к тому клонился, что точно во время лет непостоянной молодости подобные сему предметы зделались во мне владычествующею страстию; ибо я поистине могу сказать, что закон был тогда для меня страсть, не только подпора добродетели. Видя образ непоколебимаго терпения в Христе, коего я всею душою моею возлюбила, сносила я всякой жребий с кротким подобострастием. Мой дух, час от часу сильнее напрягаясь и получа отвращение от земнаго, мало—помалу всегда ближе подходил к высочайшему умствованию и привыкал к таинственному созерцанию. Лаватер, которой чрез всякую письменную безделку час от часу мне милее становился, казался мне не иначе как живущим еще учеником божественнаго нашего Спасителя; дневныя его записки и меня возбудили к ежедневному себя самой испытанию; я всегда желала быть в законе совершеннее, и таким образом мало—помалу вошло мне в мысль, что и я также, ежели постараюсь совершенно очистить мою душу, могу со временем иметь сообщение с высочайшими духами. Тогда вспали мне опять в голову все те разговоры, которые слыхала я некогда в родительском доме о Шведенборге

¹⁸ Господин Фрейнд, писатель некоторых медицинских сочинений.

¹⁹ Эммануил Сведенборг (1688—1772) – шведский учёный-естествоиспытатель, христианский мистик, теософ, занимался космологией, механикой, математикой, анатомией, физиологией, политикой, экономикой, металлургией, геологией, горным делом и химией; духовидец, имевший многочисленных последователей, автор многих сочинений: «Небесные тайны» («Atgasa Coelestia», 1749—1756), аллегорический комментарий к двум первым книгам Пятикнижия и др. – *Прим. ред.*

²⁰ Кристоф Мартин Виланд (1733—1813) – немецкий поэт и прозаик, издатель *журнала* «Германский Меркурий»; одна из центральных фигур в немецком литературном процессе XVIII в. наряду с Лессингом, Шиллером, Гёте; также активный деятель масонских и розенкрейцерских организаций, автор работ по алхимии и мистическому познанию. Иоганн Фридрих фон Кронек (1731—1758) – немецкий поэт, друг Лессинга, Фихте, Кдлштока и Юнга—Штиллинга, деятельный масон. Иоганн Генрих Юнг-Штилинг (1740—1817) – немецкий писатель, мистик и теософ, врач по образованию; наряду с Эккартсгаузенном был главным авторитетом русских мистиков XVIII – начала XIX вв. Иоганн Каспар Лафатер (1741—1801) – швейцарский писатель, богослов и поэт, заложил основы *криминальной антропологии*, а также принимал активное участие во всех организационных и идеологических процессах в мировом масонстве XVIII в. – *Прим. ред.*

и о Шмиде, и начали по степеням сильное действие в душе моей производить. Старший мой брат, коего любила я несказанно и которому вся моя душа была предана, имел со мною одинакия чувства. Только он больше держался Греческих философов и надеялся в Пифагоре и Платоне найти следы любомудрия, коему оба мы себя посвятили. В 1778 году, в июне месяце, скончался в Страсбурге сей весьма великую о себе надежду подававший юноша, а я с печали по его смерти почувствовала в себе необычайную склонность к таинственной науке.

В сем расположении находился дух мой, когда Калиостр в Феврале или Марте месяце 1779 года приехал в Митаву. Он выдал себя за Ишпанскаго Графа и Полковника, приехал тотчас к дяде моему, так как к Франмасону, и сказал ему, что он от своих начальников для некоторых важнейших дел отправлен на север и что в Митаве велено ему явиться у него²¹. Дядя мой представил его господину Обер-Бург-Графу фон Говену и отцу моему, так как испытаннаго и исполненнаго знаниями масона. По некоторых разговорах, которые имели с Калиостром господа сии и еще господин Майор фон Корф, все они им весьма пленились. Едва лишь я сие узнала, то и я также с теткою моею²² и двоюродною сестрою старались каким бы то ни было способом свести знакомство с оным таинственным жрецом. Он и жена его с величайшим искусством умели увеличить наши о себе мысли и возбудить наше любопытство. Мы не только сами зделались тотчас его верными ученицами, но множество еще и других к его учению привязали. Сверх того, чтоб нас более в разсуждении себя обязать, и чтоб ему легче можно было действовать нашими душами, употребил он новое средство. Он сказал мне, что он прислан от своих начальников с полною властью, так как великой мастер, основать ложу союза (*d'adoption*), или такую Франмасонскую ложу, в которую и женщины будут допускаемы. Когда таким образом покойный Надворной Советник Швандер, о котором я после буду говорить, увидел, что тетку мою, сестру и меня ничто уже не могло удержать и что мы непременно желали быть Калиостром приняты сочленами в оную ложу союза²³, то и он из дружбы ко мне и для всякой предосторожности вступил в сие общество. За ним тотчас последовали господин фон Медем-Тительминде, старший сын покойнаго моего дяди, господин Надворной Советник, доктор Либ²⁴ и господин Нотариус Гинц. И еще многие душою, склонностями и состоянием отменные люди вступили к нам, коих именами назвать я отчасти не имею от них позволения, а отчасти для разных причин назвать не хочу. Некоторые из них столь же мало почитали Калиостра за чудеснаго чело- века, сколько и Швандер, а точно уверены были, что Калиостр был обманщик. Но сии просвещенные люди вступили в сие общество отчасти для того, чтоб быть очевидными свидетелями, какой оборот примет сие дело, а отчасти из дружеской об нас предосторожности, чтоб с столь

²¹ Покойной мой дядя в здешней масонской ложе был великим мастером.

²² Супруга дяди моего и урожденная Графиня фон Кайзерлинг, дочь умершаго в Варшаве Российско-Императорскаго Полномочнаго Посланника. А сестра моя двоюродная, которая тогда была еще не замужем, теперь за господином фон Гротгусом и мыслит о сем деле со всеми здесь упомянутыми особами равно со мною.

²³ Здесь, я думаю, нужно зделать сие примечание, что ежели бы Калиостр у нас хотя мало что вздумал зделать тому подобное, что гнуснаго и поистине вымышленнаго в некоторых верных (как говорят) записках о Калиостре (*memoires authentiques de Cagliostro*), которыя, сколько я знаю сию историю, весьма неверны, в разсуждении принятия Парижских дам безо всякаго вероятия упоминается, то бы без всякаго сумнения каждый и каждая из нашего общества почувствовали к нему, так как ни к чему годному бездельнику, омерзение и лишили бы его всей нашей доверенности. Калиостр совершенно знал людей, с кем он здесь дело начинал; он со всяким из нас так поступил, что скоро овладел всею нашею доверенностию; да и самая непорочность наших нравов тотчас ему привела на мысль, что он бы, конечно, лишился всей нашей доверенности, ежели бы он в каком—нибудь случае вздумал поступить против здраваго разсудка. И для того мы зрели в нем самаго строгаго нравоучителя. Хотя ему и неизвестна была вся тонкость светскаго обращения, однако ж он всегда был столько осторожен, что находясь с дамою, никогда не смел выйти из правил строгой благопристойности. Неловкость в обхождении, которую мы тотчас заметили, приписывали мы долговременному, как он уверял, его житию в Египте и в Медине. При конце своего у нас пребывания, как я в заключении сей истории покажу, он несколько проступился. Но когда все слушатели его потребовали у него в том отчета, то он собрал все свое искусство, чтоб ему выправиться. С тех—то самых пор потеряла я к нему мою доверенность.

²⁴ Сей почтения достойной врач сотовариществовал мне в пути моем в Германию, которой я для поправления моего здоровья предпринимала. Он везде не только своим искусством, но и разумом умел приобрести почтение всех тех, которые имели случай с ним познакомиться.

давнего времени владычествующая в доме нашем склонность к чудесным вещам не завела нас далее в таинственное сумозбродство, ежели никого такого не будет, которой бы мог нас от онаго несколько повоздержать. Между тем когда узнано было, что сии всеми почитаемые люди сделались последователями Калиостра, то сие дело, а притом еще и таинственное, много шуму наделало в Митаве и мнимому нашему чудеснику великую славу в Петербурге предуготовляло.

В самое то время, когда я сие пишу, прислано ко мне от одного из друзей моих небольшое сочинение, называемое *Калиостр в Варшаве*. Оно содержит в себе, только несколько обстоятельнее, все то, что Граф П. в 1782 году в проезд свой в Петербург изустно нам рассказывал. А поелику души наши больше стремились к соединению с духами, нежели к превращению металлов, то легко могло случиться, что Калиостр у нас месяцем долее прожил и имел нас своими последователями, нежели в Варшаве; а наипаче потому, что во все время его у нас пребывания он ничего такого не обещал, чего бы он по видимому сделать был не в сосоянии. Ежели и случалось, что ему какое—нибудь действие не удавалось, то он умел всегда находить подложныя причины, которыми заставлял думать, что ему необходимо так должно было поступить. Хотя он мог, как ниже в сем сочинении окажется, и здешних своих последователей земными выгодами обольстить; но сообразя все, можно будет заключить, что здесь его замыслы далее простирались, нежели в Варшаве, а для того—то нас и должно извинить, что мы долее верили чудесной его силе, хотя так же к концу его здесь пребывания вера сия начала ослабевать. Некоторые из тех, коим чудеса казались возможными, начали уже его почитать за колдуна, предавашагося чернокнижию, а другие между тем шептали нам на ухо, что он не что иное, как только обманщик.

Прежде нежели я начну писать сие сокращение из сделанных мною во время Калиострова здесь пребывания записок, хочу я включить два опыта, с каким искусством умеет он себя выправить, ежели когда случится ему обещать то, чего он исполнить не в силах. Он говорил некогда о плавке янтарю как о такой вещи, которую столь же легко можно плавить, как и олово. Некоторые сочлены нашего общества наипубличнейшим образом просили его открыть сию тайну. Он с великою важностию сел за стол и написал рецепт, но что же ето было? Ето был рецепт курительнаго порошка. Все те, которые обрадовались было сему янтарному промыслу, были крайне недовольны. Калиостр не мог себе вообразить, что перед ним были такие люди, которые могли разуместь рецепт и открыть сей грубой его обман; но он тотчас опомнился и поворотил сие дело следующим образом: сею выдумкою, говорил он, хотел я вывести точнее склонности моих учеников, и ето меня крайне огорчает, что я в столь многих из них вижу больше привязанности к купечеству, нежели к истинному благу общества. Большая часть из нас тогда ему слепо верили, следовательно, и сего извинения было для нас довольно. Прочие же молчали, ибо они видели нашу слепоту, а помочь тому чем, не знали. Незадолго перед его отъездом в Петербург зашел разговор о весьма крупном и чистом жемчуге вдовствующей Герцогини, которой Калиостр видел некогда у нее на руках. Етот жемчуг, говорил наш волхв, я очень знаю, потому что я в Голландии для одного обанкрутившагося моего друга сплавливал его из маленьких и негодных жемчужных зернышек жены его, для того что я не имел тогда ни денег столько, ни векселей, чем бы мог его от такой крайности искупить. В то время для исполнения некотораго добраго намерения я также имела нужду в деньгах, коих без особливаго труда вдруг никак сыскать не могла. А как мне ето хотелось сделать весьма тайно, то я, улучив Калиостра наедине, по простодушию моему, принесла ему свой жемчуг, сказала свою нужду и просила его сделать то же для меня, что он сделал для друга своего в Голландии, потому что я тогда не в состоянии была заплатить сию сумму наличными деньгами, и при том уверяла его, что лишних денег мне не надобно, а он их сам может употребить на другия богоугодныя дела. На что Калиостр мне отвечал, что он бы весьма желал, чтоб я ранее ему сделала сию доверенность; тогда бы он, конечно, исполнил мое желание, ибо, продолжал он, для сего действия, по крайней мере, недель на шесть надобно заняться, а теперь я имею повеление от моих

начальников послезавтра отсюда выехать, что необходимо должно исполнить, ибо я обязан им неограниченным послушанием. Я просила его взять жемчуг с собою в Петербург и там его сплавить. Но он его не взял, а сказал, что ежели бы он был в Петербурге, тогда бы он в состоянии был всему нашему обществу, а особливо мне, показать ясные опыты своего об нас попечения. Я просила его, чтоб он избавил меня ото всех светских сокровищ, а только бы показал мне путь к сообщению с высшими духами. На сие он отвечивал: «Прежде нежели Христос принял на себя сан Пророка, или, как вы его называете, Спасителя, искуситель возвел его на верху храма и прельщал его сокровищами мира сего; а как оныя не могли уловить пречистую его душу, ибо уже приближался час тот, в которой он чудом восхотел ошастливить свет, то и вам должно наперед искутить себя в разсуждении земных сокровищ, прежде нежели важнейшия тайны вам вверятся. Ежели вы устоите противу всех оных искушений, тогда да благословит вас великий зиждитель мира идти в путь таинственный, и да направит стопы ваши на стезю, на коей вы многим тысячам откроете источник блаженства». Признаться надобно, что я столь была проста, что всему етому поверила. И ежели что ободряет меня открыть свету слепоту мою во всей ея точности, несмотря на разные, может быть, вредные для меня слухи, так ето едина мысль, что я чрез чистосердечное признание заблуждений моего разума, может быть, доведу до того других добросердечных людей, которые еще не оставили тогдашняго моего мнения, что они, бродя по сему таинственному пути, примут разум свой в путеводители.

У нас Калиостр весьма тесно соединял между собою закон, магию (таинственную науку) и франмасонство. Сколь ни грубо было его обхождение, ибо часто без малейшей причины с запальчивостию на нас он бросался, столь кротко, впрочем, вел он себя во всех своих разговорах. Он уверял нас, что те, которые желают иметь с духами сообщение, должны сильно противуборствовать всему, что есть вещественно; а для того и сам он старался с лишком умеренным казаться как в пище, так и в питье, хотя в самом деле он и не был таков. Но мы столько были им ослеплены, что и сего противуречия в нем приметить не могли. Мне кажется, что Граф М. весьма справедливо говорит о Калиостре, что ежели бы он имел больше знания в настоящей химии, в оптике, коротко сказать, в основательных науках, и умел бы точнее вникнуть в нравы и обхождение большего света, то бы он под ложным видом волхва, при толь коварной своей душе, и при нынешней толико распространившейся привязанности к чудесам, еще лучше, а может быть, и гораздо честнее, мог играть роль свою. Для удобнейшаго сравнения различных его уверток, деланных им в Митаве, Варшаве и в Стразбурге, сообщаю я здесь письмо одного моего стразбургскаго приятеля, которой удален от всякаго духовидения и которой оное письмо в 1781 году писал ко мне, зная мое расположение, что я столько, сколько могла, старалась примечать следы хитраго мошенника, котораго я тогда еще не знала совершенно.

«Стразбург, от 7 Июня 1781 года.

Я хочу вам описать сколько возможно обстоятельнее и вероятнее все то, что я имел случай узнать о Графе Калиостре. Я говорю вероятнее, потому что сколь много говорят в пользу, столько же много и против сего необычайнаго человека; он же сам в своих намерениях столь скрытен, что, по моему мнению, надобно еще до времени отложить, чтоб получить об нем совершенное понятие. Он имеет до безумия страстных друзей и прегорьких неприятелей; он кажется весьма открыт; но *le coup de maître reste dans mon coeur*, то есть главнейший предмет кроется в моем сердце, сказал он сам здесь одной даме, которую он, против своего обыкновения и правила²⁵, весьма много почитал. А по етому случаю узнал я следующее: Граф Калиостр говорит, что он врачебной науке учился в Медине, и надобно думать, что он там иначе научился знать природу, нежели как наши Европейские лекари; мы лишь мимоходом пробегаем знаки

²⁵ Презрение к женскому полу составляло его главнейшую хитрость, кою он и здесь употребил, дабы таким образом вернее мог он возбудить благодарность и слепое к себе усердие в тех, которых он желал склонить на свою сторону.

болезней и перемен в теле человеческом, у него же в училище заведено, чтоб не только пульс (которой он, по общему признанию даже и самих лекарей, разумел совершенно²⁶), но и цвет лица, взор, походку и каждое движение тела медицински исследовать, для того что физиономия составляет естественную часть врачебной науки. И так чрез сию ли связь, или чрез другое какое средство, только Калиостр кажется знатоком в людях, и между прочими величайшаго нашего физиономиста Лаватера весьма хорошо по признакам лица описал. Самыя болезни, говорит он далее, кроются по большей части в крови и в разделении оной: следовательно, лекарь на сие должен обратить свое внимание. А как вся природа во всех своих частях соединена неразрывным союзом, то врач должен ее знать во всей ея обширности, а химия должна ему служить наставлением в разсуждении разрушения и составления, да и в оной надобно, чтоб он был весьма знающ²⁷. Наконец, говорит он, когда все на все действует, а сие не только о нашей земле, но и о всей подсолнечной разуметь должно, следовательно, врачу необходимо надлежит знать и то, какое могут иметь влияние планеты. Посему Калиостр дает гораздо больше преимуществ равноденствию, и в оное время по большей части лекарства свои заготавливает. Сие взаимное втечение всех вещей, по мнению К., не на один вещественной или телесной свет простирается. Оной есть действие, дух есть причина; а духовной свет есть неразрывная цепь, из коей безпрестанная действия проистекают: следовательно, истинные испытатели природы суть те, которые и на ненавидимыя вещи так же, как и на видимыя, взирать могут, или которые такую же имеют связь с духами, какую и с веществом. А к сему таинственному познанию посвящен он будто бы в Аравии и именно в некотором обществе в Медине, где он, так как и всякой новопринятой, должен был дать обещание для пользы человечества некоторое время по свету странствовать и безо всякой мзды отдать обратно то, что он сам получил. И таким образом будто бы он чрез Египет и в Европу приехал.

О его пребывании на севере я ничего не имею вам сказать, а что с ним происходило в Стразбурге, о том знаю я следующее. Несколько времени жил он в трактире, потом несколько недель у Фохта, в горнице покойнаго брата вашего, ежели я не ошибаюсь. Он еще тогда совсем не выдавал себя за врача. Да никто не мог и ожидать того от Графа (которое Графское достоинство, как он и сам довольно ясно дал разуметь некоторому человеку, не на породе, но на таинственном его знании основывается). Вдруг пронесся слух, что есть здесь некоторой чужестранной благодетельствующей господин, которой безо всякой платы принимает к себе больных, и не только лекарствами, но нередко и деньгами, и другими нужными вещами их снабжает, и ето действительная правда. После чего мало—помалу начали к нему ходить, с робостию наперед, некоторые бедные люди; он принимал их ласково, давал им эссенции, еликсиры и другия лекарства, избавлял многих от лихорадки и от других припадков, а некоторых трудно болящих и сам посещал в их жилищах. Слава его час от часу возрастала, и тотчас не только его горницы, но и крыльца и весь двор наполнены были людьми, требующими от него помощи. А как он был несколько скор и благонадежен в обещаниях здоровья, то сие придавало всем страждущим больше бодрости. Правда, что из толикаго множества его лечений многия ему не удались, а особливо что касается до глухоты и слепоты; однако ж удача во многих других случаях, нечто необыкновенное и странное в его лечении, а при том еще и безденежно, зделали его даже и донныне предметом всех разговоров, а для иных уже зделался он предметом величайшаго удивления. Любопытство влекло к нему безчисленное множество людей: ученых, офицеров, лекарей, естества испытателей и франмасонов. В числе сих последних посещали его также некоторые Принцы и другие знатнейшие господа; мало-помалу уже и в обычай вошло ходить к Калиостру, а как он жил на самом том месте, где обыкновенно выводили в развод,

²⁶ Не все, однако ж, лекари сего мнения.

²⁷ Сие умел он весьма расплодить, понеже он сам о себе говорил. Но в химии был он весьма незнающ, как в Митаве в нашем обществе уже примечено. Смотри выше на стран. 60 описанное приключение.

то около обеда большая часть гарнизону туда собиралась, так что наконец уже как в собрание начали ходить к Калиостру. Легко можно угадать, что молодые офицеры чрез непомерное свое любопытство зделались уже и в тягость этому доброму человеку; и чтоб избавиться от таких посещений, или чтоб над ними посмеяться, рассказывал он им с весьма важным видом, что он родился на Черном море, что ему от роду 150 лет и тому подобное²⁸. Около сего времени был болен Секретарь нашего Коменданта Маркиза де ла Салль, тот, кто его пользовал, всех уверял, что ему только осталось жить 24 часа, потому что у него был антонов огонь²⁹. По неотступной прозьбе самого Коменданта, взялся лечить его Калиостр и, к великому всех удивлению, почти совершенно его вылечил. С сего—то времени начинается самая блестящая жизнь сего человека. Весь генералитет, вся наша знатность, или все те, которые с знатными любят тесниться, ежедневно посещали господина Калиостра. Великое множество збиралось людей у Калиостра, иные для него, а другие для сих господ. То же делали и дамы, оне брали его лекарства и хвалили его леченье. Везде желали иметь Калиостра, везде почитали за славу об нем говорить, вести с ним знакомство и его хвалить. Невероятное множество приезжих из всех мест к нему стекалось; некоторые просили его, чтоб он вступил в совет с лучшими нашими врачами, от чего, однако ж, он всегда отрекался, ибо он всех лекарей не иначе как скотами называл³⁰. С другой же стороны, я не могу точно уверить, что и лекари всегда ли про него говорили правду, и ежели правду, то не примешивалась ли тут же злоба и зависть; однако ж большая часть больных, даже и чужестранных, отстали от Калиостра и возвратились в руки обыкновенных лекарей. Оные чрез одно или другое основательное примечание заставили многих нарочито опасаться принимать помощь от господина Калиостра. Например сказать, он по большей части имел обыкновение писать в рецептах своих *Extrait de Saturne*³¹, в чрезмерно большем количестве (да и вообще в его лечении приемы были всегда велики); известно, что сей свинцовой сахар в мгновение ока начинает уже действовать, например, в ранах и в других случаях, где весьма скорая помощь потребна; однако и то также известно, что он часто оставляет по себе некоторое в членах расслабление, а будучи принят внутрь, нередко бывает причиною нестерпимаго колотья. В разных ведомостях и объявлениях, в нашей округе выпускаемых, вышли на него весьма ядовитая сатиры. Слава его действительно умалилась, он уже ныне получает посещения только три раза в неделю, да и то в некоторые часы. Множество приезжих, кои нарочно для него сюда приехали, он оставил лечить в самой половине, а за других и вовсе не взялся; к некоторым он чрезмерно благосклонен, а к иным ужасно груб и сердит, да и в простом обхождении он иногда чрезвычайно вступится за кого—нибудь, а иногда, напротив, опрокинется, и сие часто при первом взгляде случается.

Он весьма сам на себя надежен, и для того о Принцах и с Принцами говорит с таким видом, как будто бы они до него имели нужду, а не он до них. Он говорит худым языком Италианским, изломанным Французским, а по—Арабски он не мог ни единого слова сказать с Упсальским профессором Норберхом, приехавшим сюда из Константинополя. Он нашем Спасителе говорит он с пренебрежением, а о духовенстве — то же, что и о лекарях. Надобно думать, что этот человек имеет какие—нибудь дальнейшие замыслы, к исполнению которых Стразбург находит он малым для себя театром. Стразбург лежит на границах Государства; то, может быть, хочет он тем удобнее славу свою вдаль распространить, и дожидается, чтоб Король сам вздумал его к себе призвать; сверх того он много говорит о своем знакомстве, которое имел

²⁸ Следствие окажет, что Калиостр подобныя сим басни не только в шутки рассказывал, но и с намерением, чтобы его за чуднаго человека признавали.

²⁹ Эрготизм, заболевание, связанное преимущественно с отравлением алкалоидами спорыньи, характеризуется подкожным воспалением, некрозом и гангреной конечностей; термин в старину часто распространялся на любые гангрены и рожистого воспаления. — *Прим. ред.*

³⁰ Что К. имел нравы грубые, был заносчив и горд, о том уже говорено выше.

³¹ Экстракт Сатурна (*фр.*), жидкость, содержащая ацетат свинца. — *Прим. ред.*

он с Лудовиком XV, также и с Российской Государынею³². Примечено, что он здесь ни по вексям, ни чистыми деньгами ни от кого ничего не получал, однако ж всегда платил исправно, щедро, да еще и деньги вперед, не имея здесь никаких доходов, по крайней мере, известных³³. Сие вложило некоторым в голову, что он должен быть подослан от изгнанных Езуитов и т. д.

Все сие не что иное есть, как догадки; и следующее также выдаю вам за догадку, только за такую, которая, по крайней мере, мне и многим другим весьма вероятно кажется: то есть что К. большую часть своего времени и славы своей уже действительно у нас прожил. А куда отсюда думает он обратиться, етова, я думаю, никто не знает. Некоторые из величайших его почитателей от него отпали: они весьма друг на друга взаимно жалуются. С некоторого времени отправляет он многих своих больных весьма наскоро, с помощью обыкновенных взваров и тому подобного. Наш господин Маршал, возвратившийся недавно из Парижа в нашу провинцию, господина Калиостра принял весьма милостиво и тем воспрепятствовал, что его еще и до сих пор как шатающегося без всякаго виду бродягу из Государства не выгнали.

Вот все то, что я, по прилежном изследовании и по сличении разных известий, мог вам представить найдостойнейшаго вероятия и многими свидетельствами от здравосудящих людей доказанного. Примите сие в знак моего удовольствия, с которым я стараюсь оказать мою глубочайшую и всегда во мне пребывающую к вам преданность при сем случае, которой вы мне сами подали, удостоя меня вашей доверенности. Я, без сумнения, не могу за это ручаться, чтоб в сем моем письме, хотя против воли моей, не было каких недостатков. Ежели я со временем их примечу, то за долг почту вас тотчас о том уведомить. В исторических делах труднее познать истину, нежели в нравственных. А сие считаю я для всех нас за несказанное счастье, что лекарство для души тому, кто прямо того хочет, сыскать весьма нетрудно. Кто ищет, тот и обретает, кто толкует, тому и отверзается. В какое, по вашему примечанию, должен прийти восхищение такой искренний и светом разума озаренный испытатель истины тогда, когда он, снедаем будучи на песчаных степях долговременною жаждою, незапно источник истины увидит пред собою! Ублажи Господи! дни тех, которые действительно вкушают из сего источника, и тех, которые прямо к нему стопы свои направляют!».

Прежде нежели я сообщу мои записки 1779 года, должна я предупредить моих читателей, что в то время, когда я их писала, имела совершенную веру к Калиостровой чудесной силе и писала их с тем намерением, чтобы оставить их в архиве ложи союза (*d'adoption*) отчасти для того, что в них заключается учение магии, а отчасти будто бы в доказательство того, сколь высоко даже и в наши времена могут восходить силы человеческия, ежели мы захотим себя посвятить сообщению с высшими духами и ежели мы все наши силы напряжем к достижению сей цели.

Я оставляю сии записки точно такими, каковы оне были писаны, ибо я надеюсь, что тому, кто друг истине и кто знает людей, весьма приятно будет видеть верное изображение души, которая ложь принимала за истину, которая на сем заблуждении основывала собственную свою систему и которая чрез то от коварнаго мошенника до такой степени обманывалась, что истина и права разума сокрыты были для нее в непроницаемом мраке.

---

³² У сей Великой Монархини, которую Калиостру столь жестоко желалось обмануть, намерение его осталось втуне. А что в разсуждении сего писано в записках Калиостровых, все это вымышлено; и таким—то образом одно из главнейших его предприятий, для коего он от своих старейших отправлен, ему не удалось; от этого—то, может быть, он и в Варшаве принужден был в деньгах терпеть недостаток и разными обманами для своего содержания доставать деньги.

³³ Вот истинное доказательство, сколь мы бываем тогда легковерны, когда дух наш один раз заразится желанием чудес — что Калиостр чрез сии развеваемые слухи в разных местах мог обмануть общество. Всякой видел, что Калиостр везде платил наличною монетою. Положим, что он умел делать золото и серебро, но на котором же монетном дворе мог он бить монету? Следовательно, ежели бы кто захотел хотя мало о сем подумать, то бы тотчас можно было догадаться, что он чрез подарки или чрез тайную продажу своих лекарств доставал деньги, или тайным образом из других мест получал денежные пересылки.

На одной стороне велела я напечатать записки сии 1779 года, а на другой – теперешнее мое изобличение с некоторыми сделанными на сей случай открытиями, чтоб тем удобнее можно было вдруг обозреть Калиострово расположение и последование его обманов. Я советую читателям тотчас начинать читать означенныя числами примечания 1787 года, по прочтении отвечающаго оным места в записках 1779 года, особливо же прошу тех, которые еще имеют некоторую склонность к чудотворию, самих с собою подумать, сколь легко в таком случае человек с наилучшими намерениями от грубых обманщиков может быть уловлен. Всякой знающий нынешнюю слабость к чудесам должен почувствовать, сколь бы вредно было сие для рода человеческого, ежели бы мои 1779 года записки, яко событное дело и историческая истина, в тайных обществах сделались известными, прежде нежели в примечаниях успела я открыть, что Калиостр – обманщик. Благодарю Творца моего, что я научилась знать мои прежния предразсудки.

Записки 1779 года О Калиостровых магических опытах, в Митаве учиненных.

Имея благое намерение на всяком пути распространять мои познания, и твердо предприяв со всяким безпристрастием описать некоторые опыты, которые я со времени моего почти ежедневнаго с Графом Калиостром обхождения зделала, я не хочу ничего здесь включать, кроме настоящей правды и кроме того, что я сама видела и слышала.

Я хочу описать некоторые магические опыты Графа и те случаи, которые подали причину их перед нами делать, с некоторыми разговорами о магии (чернокнижии) или, как Калиостр называет, о высших силах природы, которыя некоторым людям даются от провидения, дабы они так же, как Христос, Мосией и Илия, для многих тысяч могли делать добро.

Чрез несколько дней после своего прибытия приехал он к дяде моему, так как франмасон, которой для некоторых важнейших дел от своих старших отправлен на север (1) и коему велено явиться у него, у брата моего и у Г. Камергера фон дер Говена³⁴.

В доме дяди моего случилось мне некогда с Калиостром разговаривать: я нашла в нем весьма отменнаго человека, какого еще в жизнь мою со мною не встречалось. Он и жена его заставили нас – тетку мою, двоюродную сестру и меня – весьма высоко думать о ложе союза; сверх того, он уверял нас, что оную ложу здесь из дружбы к нам хочет он возстановить, ибо он думал, что мы можем быть достойными сочленами сего тайнаго общества, которое ведет к высочайшему блаженству тех, кои с чистым сердцем ищут истины и которые из любви к общему благу познания свои распространить стараются. Эта мысль нам весьма понравилась, и мы твердо предприяли под руководством Калиостра в нашем отечестве, быть возстановительницами сего общества, с тем, однако ж, условием, чтобы в сие общество те только могли вступать и быть онаго сочленами, коих мы сами изберем.

Здесь появились некоторыя затруднения, о которых я, дабы не быть продолжительною, не хочу входить в подробность. А скажу только, что отец мой, господин фон Говен, дядя мой и господин Майор Корф, которые приняты были от Калиостра, сперва не хотели приступить к учреждению ложи союза, а для той же причины и мы просили Калиостра оставить свое намерение; но он говорил, что он еще никогда ничего такого не предпринимал, чего бы не произвел в действо, и что он будет пребесчестнейший человек, ежели ложу сию не поставит здесь на высочайшую степень славы. Противники же его зделаются наконец самими лучшими его последователями, и будут его сами ободрять в его намерении. (2)

Потом делал он некоторыя химические опыты в доме отца моего в присутствии его и господина Камергера фон дер Говена, дал им обещание, что учреждающейся вновь ложе он сообщит несколько сих тайностей, и в доказательство, что высшие силы состоят в его власти, хотел он день спустя в присутствии сих господ зделать магической опыт с одним шестилетним мальчиком. День настал. Отец мой и дядя приехали к Г. фон Говену, а младший сын³⁵ покойнаго дяди моего для сего опыта был назначен. Каким образом точно при сем случае поступил Калиостр, етова я уверительно сказать не могу, потому что я сама при оном не была; а господа сии рассказывали нам о сем деле следующим образом. Калиостр на левую руку и на голову дитяти взлил (по Калиострову выражению) *елея премудрости*, и потом, проговоря некоторый псалом, посвятил мальчика к будущему видению. Робенок при сем действии почувствовал

³⁴ Нынешний Обер-Бург-Граф и главный Советник.

³⁵ Подобныя явления посредством робенка показывал Калиостр и в Варшаве, где также обман его открылся. О сем можно читать вышеупомянутое сочинение *Калиостр в Варшаве, или описание и поденную записку о его магических и алхимических действиях в Варшаве 1780 года*, напечатанных в 1786 году.

некоторой жар и пот³⁶; на сие Калиостр сказал, вот верной знак, что его дитя духам нравится. Потом на руке и на голове мальчика написал некоторыя слова, велел ему не спуская глаз смотреть на намазанную руку, и в сем положении начал он свои заклинания. Наперед спросил он у дяди моего, так, чтоб ребенок не слышал, какое явление хочет он, чтобы сыну его представилось. Дядя просил Калиостра, чтоб он представил робенку мать его и сестру, которыя были дома, для того, чтоб робенок не испугался, ежели видение начнет ему казаться. Около десяти минут после заклинаний робенок закричал, что он видит мать свою и сестру; тогда Калиостр спросил у него, что делает сестра? На что робенок отвечал, что она держит руку у сердца, как будто бы у ней там что болело. Спустя несколько времени дитя опять закричал: сестра моя целует брата моего, которой теперь лишь домой приехал. Здесь должно мне сказать, что когда господа сии из дому дяди моего поехали в дом Г. фон Говена, которой чрез несколько улиц от дядина дому отстоял, чтобы сделать в нем первый магической опыт, в то время сего брата двоюродной моей сестры в городе не было; да мы и не ждали его в тот день, а считали его еще в семи милях от города. Но в самой тот час, когда деланы были сии заклинания, вошел к нам сверх чаяния нашего двоюродной мой брат, а сестра моя незадолго перед тем чувствовала такое сильное биение сердца, что ей весьма худо сделалось. (3) Вскоре по окончании заклинаний Калиостр с дядею моим, с господином фон Говеном и с отцом моим пришли к нам. Все они, кроме Калиостра, немало ужаснулись, увидя пред собою моего двоюродного брата и узнав, что сестра моя имела некоторый припадок. Тогда они сами начали просить о установлении ложи союза. Следующие братья были еще к тому избраны. (4)

Двадцать девятого Марта с помощью сих братьев основана была наша ложа от Калиостра, и тетка моя, двоюродная сестра и я наречены были сестрами. Из любви к общему благу и из ревности распространить наши познания оставили мы в покое различные толки здешняго общества. Мысль сия, что мы полезнее можем быть для рода человеческого, вложила в нас такое спокойствие и бодрость духа, что мы всякия насмешки могли сносить с терпением. До учреждения ложи нашей Калиостр разговаривал с нами только весьма редко, с таинственною важностию, о сокровенных силах природы, и для объяснения оных приводил некоторыя места из священнаго писания; но сколь скоро я моими вопросами желала далее во глубину таинства проникнуть, то он обыкновенно говаривал: о сих вещах могут судить лишь только те, кои уже посвящены, да и то по степеням. (5)

Со дня учреждения нашей ложи имел он с нами всякой день разговоры о магии и о чернокнижии. Хотя он и предписал нам, что бы мы по его отъезде никогда, кроме ложных дней, о сих вещах не говорили, да и то при весьма малом числе просвещенных, однако каждой из нас безпрестанно должен сам с собою размышлять и все свои силы напрягать, чтобы приблизиться к вечному источнику всех благ³⁷.

Десятого Апреля, то есть в тот день, когда нашей ложе дан был последний степень, сказал Калиостр дяде моему и мне, выходя от нас на полчаса и нечто в отдаленной горнице наедине писавши, что он имел весьма важные переговоры с своими начальниками³⁸, которые еще ближе показали ему дорогу в разсуждении производства здешних дел и означили место, где лежат зарыты важнейшия магическия писания. А именно в деревне Вилцен, принадлежащей дяде моему, шестьсот лет назад жил великий магик, которой там (для того что преемник его предан

³⁶ Надобно думать, что он втер робенку такое масло, которое жар производит, отчего чувствительныя его жилы приведены были в раздражение; к сему присовокупился еще и страх, о котором после говорено будет.

³⁷ Сколь хитра сия заповедь, сие тотчас всякому понять можно: ибо что может больше разгорячить напряженное воображение, как такое заключенное внутри мечтание о таинственных вещах? 1787.

³⁸ Потом открыл мне Калиостр, что он стоит под Илиею. Кофта, один из сильнейших духов, дан ему от благого начала, яко дух хранитель, который также стоял над ним; однако ж он имеет уже и под собою несколько духов, которые ему служат и которые должны быть для нас духами хранителями.

был чернокнижию) зарыл в лесу важныя магическия орудия с превеличайшими сокровищами; а их—то теперь и ищут последователи злаго начала, или, яснее сказать, чернокнижники.

Один из сих чернокнижников (6) с некотораго времени уже здесь, в Курландии, только служащие ему духи не могут найти сего места, где оный великий магик (которой теперь в других странах составляет счастье совершеннейших существ) зарыл сии столь полезныя для блага человечества вещи. Он надеется, что великий зиждитель миров благословит труды его и зделает его столь счастливым, что он достанет сии спасительныя для человечества сокровища. Надобно признаться, продолжал он, что сие предприятие есть дело наопаснейшее в сем свете, ибо тогда все злые духи взбунтуют и пристанут к нему, дабы и его к чернокнижию обратить, чтобы чрез то злое начало могло верх одержать. А когда сии магическия сокровища попадутся в руки черномагиков, тогда наиплачевнейших следствий для света сего ожидать должно, и наш земной шар чрез множество веков едва ли избавится от тех казней, которыя с переворотом оным сопряжены. Итак, по его словам, мы должны были с его молитвами наши соединить, и у вечнаго Творца всех благ со слезами просить ему крепости, дабы он мог устоять противу искушений сих злых духов и в вере пребыть непоколебимым. После сего зделанного нам откровения назначил он на бумаге то урочище, где вещи сии были зарыты, и точно на словах описал положение леса, хотя он никогда в деревне Вилцен сам не бывал. Дядя мой немало тому удивился, что Калиостр столь твердо знал сие место, где и нога его никогда не бывала. После сего Калиостр нам сказал, что в оныя полчаса, в которые он был один, и объявлял о себе, будто он писал, силою своего духа и по повелению великаго Кофты перенесен он был в Вилцен, все пересмотрел своими глазами, и то, что он недавно нам вверил, сведал он от одного духа, которой стережет там оныя сокровища и магическия вещи. (7) Он дал дяде моему обещание, что сокровища, которыя он оттуда вынет, принадлежат ему, а магическия вещи останутся для него самого, или, лучше сказать, для его начальников. День спустя после того в присутствии моего дяди, супруги его, своей жены и Камергера фон дер Говена делал он магической опыт. Все, что я об нем сказать могу, есть то, что робенок видел етот лес, в коем лежало сокровище, ибо оному робенку явился другой робенок, которой в лесу вскрыл землю и показал там множество золота, серебра, бумаги, магических инструментов и ящичек с красным порошком. Потом госпоже Графине Калиостр захотелось иметь известие об отце ея; и когда Калиостр представил робенку своего тестя, то робенок немедленно заговорил: «Теперь смотрю я на высокаго ростом и сухощаваго человека, которой весьма похож на Графиню, имеет орден, и кажется здоров и весел». Калиостр велел ему у него спросить, в деревне он или в городе и получил ли он некоторое письмо. Робенок отвечал: «Он находится в деревне и письмо получено». (8)

Я часто говорила с Калиостром о союзе духов с телами, о явлениях, о силе молитвы, о благодати Апостолов творить чудеса и всегда чудной ответ от него получала; я также ему и в том призналась, что после смерти брата моего свет сей мало для меня имеет лестнаго, а ежели и стала для меня жизнь опять приятна, так единственно для того, чтоб быть многим полезной. Я сказала ему откровенно, что я всякую минуту помышляла о соединении с прославленными духами и множество ночей в глубоком размышлении и в молитве на кладбищах проводила, дабы удостоиться счастья видеть тень покойнаго брата моего; но провидению было еще не угодно ниспослать на меня сего счастья. Чрез него, говорила я ему, надеюсь я достигнуть до сего моего желания; я почту сие за величайшее доказательство его добраго ко мне расположения, ежели он мне покажет покойнаго брата моего. На сие Калиостр отвечал, что на умерших он никакой власти не имеет, а подчиненны ему только одни средние духи творения, которые, как говорит священное писание, посланы на службу человекам. С помощью оных может он, которой уже давно посвящен в святой таинственной науке, наслаждаться душе-спасительным обхождением с высшими духами: однако ж он не имеет силы взрослым людям

явления представлять³⁹, сверх же того, он не осмелится никогда для единой шутки делать явления; такое предприятие лишь важными причинами может быть оправдано пред его повелителями; в противном же случае служащие ему духи на него вознегодуют. Ежели он для удовольствования любопытства других или из единой гордости, чтоб показать свое величество, вздумает делать свои духопризвания, тогда между служащими ему духами тотчас могут вселиться и злые, о которых говорит священное писание, что они всегда ищут людей соблазнять, и наконец, могло бы и с ним тоже случиться, что с Шрепфером, которой за то, что он во зло употребил свое дарование, до тех пор был мучим злыми духами, которые его до того довели, пока он наконец принужден был сам себя застрелить. Когда же я ему на это сказала, что господа черти не весьма хитро в сем случае поступили; они бы могли такого человека, каков Шрепфер, навсегда себе присвоить и употреблять его для дальнейших исполнений злых своих намерений, а не доводить его до самоубийства, ибо они чрез то лишили себя столь достойного помощника, – то Калиостр, взглянув на меня быстрыми очами, с важным видом сказал: «Ежели это неумышленная насмешка, которая за вас говорит, то вы недостойны никакого ответа; а ежели это замысловатая искусительница, которая мне вопрос сей предлагает, то я вам на это скажу: берегитесь, ежели меня не будет с вами, всегда на причину причины искать!⁴⁰ Христос уже сказал своим ученикам, – еще много имам глаголати вам, но не можете носить ныне! Ева, которая чрез укушение яблока сама зделалась преступницею, да и весь род человеческий под гнев Божий привела, не что иное есть, как таинственная притча, что любопытство, суета и властолюбие в роды родов пагубою угрожают. Путь, ведущий к магии, которой вы предприимлете и к коему вы теперь, прияв на себя орден сестры, посвящены, наполнен величайшими опасностями. Ежели вы не из одного желания к добру впускаетесь в таинственную науку, то не ходите лучше далее, в противном же случае временное и вечное несчастье будет ваш жребий». Я клялася пред ним, что я не для чего инаго сей путь предприяла, как только для того, чтоб быть совершеннее и исполнить, ежели возможно, мое желание, которое в том состоит, чтоб по примеру Иисуса Христа посвятить себя блаженству рода человеческого. «Хорошо, – сказал он, – теперь в сие мгновение ока я еще не совершенно уверен о чистоте и о истине ваших помышлений, однако ж по нескольких часах от моих начальников узнаю я, как вы мыслите, и тогда опять с вами буду говорить». На другой день сказал мне Калиостр, что его начальники уверили его, что мое намерение посвятить себя магии честно и благородно, и что я весьма далеко могу простираться в сей высокой науке, ежели я всегда с таким же усердием и с такою же верностию буду повиноваться моим начальникам. И для того он бы желал во время его здесь пребывания преимущественно на меня обратить свое внимание, только я должна ему вновь дать обещание неограниченно следовать его предписаниям. Слово *неограниченно*, сказала я ему, должно еще иметь некоторыя границы, то есть что я ему обязана следовать во всяком том случае, когда разум мой мне скажет, что нет ничего противнаго священным для меня должностям; впрочем, сам Бог не властен меня довести до того, чтобы я, не уверясь наперед о правде или о неправде, к чему—нибудь приступила.

«Эй! – сказал он, – неужели вы не согласитесь принести Бога на жертву, ежели он от вас потребует того, что мило вашему сердцу, так как и Авраам зделал, которой готов уже был жертвовать жизнью единороднаго сына своего?».

Я несколько позадумалась, сама себя испытывала, и ежели правду сказать, не могла другаго ответа найти, кроме следующего: «Богом клянусь! Нет! Я бы на месте Авраамовом не заохотела принести в жертву сына своего! Я бы сказала: Боже мой! порази молнией сына моего!

³⁹ Приметьте, сколь хитро Калиостр умел отговориться, чтоб не казать мне тени брата моего, коего черты лица мне были совершенно известны, а ему нет. Также сколь искусно при оном же случае умел он подвести причину, для чего он робенка употребляет, чтоб отвратить всякое подозрение, какое только можно иметь. 1787.

⁴⁰ И здесь можно приметить, сколь хитро умел он воздержат мое любопытство, которое бы могло меня довести до основания вещи. 1787.

ежели ето угодно святой твоей воле; требуй от меня других жертв, и я охотно исполню твое повеление; а убить я не могу ниже самага злейшаго гонителя моего, ежели я не найду его смерти достойным».

Здесь сказал Калиостр: «Из сего ответа я заключаю, что вы при таких правилах, при такой твердости тем безопаснее можете себя посвятить священной таинственной науке, ибо вы по такому своему расположению можете устоять противу искушений всех злых духов и никогда к черной магии не предадитесь. Но я уверен, что когда вы будете стараться о снискании совершенств, так как Христос и его Апостолы, и достигнете до высших сил, тогда и вы получите крепость, так как Петр, одним словом „ты лжешь, Анания!“ поразить смертью того, кто даст вам о себе подозрение, что от него будут тысячи несчастливых, и что он идет вопреки превосходнейшему намерению великаго миров зиждителя⁴¹. Однако ж между тем я хочу, дабы вас скорее приучить к священной мистической науке, в нынешнюю ночь, ежели возможно, чрез магической сон доставить вам важную беседу о священной мистической науке с духом покойнаго брата вашего. Только вы во время сна должны твердо помнить, что ежели брат ваш во сне вам явится, то вы ни о чем больше с ним не говорите, как о магии. Я дам отцу вашему запечатанную бумагу, в ней напишется вопрос, на которой чрез ваш сон я получу объяснение. Только старайтесь, сколько можно, упомнить разговор, которой вы будете иметь во сне с братом вашим».

Ввечеру, когда мы были вместе у моего дяди, Калиостр еще много со мною говорил о намерении магии и о различных ея отраслях⁴². Перед нашим выходом Калиостр взял за руку меня и отца моего, дал ему запечатанное треугольное письмо и взял с него обещание, чтоб он его не распечатывал прежде, пока я не расскажу нашему просвещенному обществу в его присутствии насланного им на меня сна и разговоров, которые я буду иметь с братом моим. А меня еще увещевал он, чтобы я, прежде нежели пойду спать, хорошенько об этом подумала и, усердно помолясь, сну предалась, потом мы разошлись. Пришедши домой, я все вновь прилежно передумала, о чем мы говорили, и, с благоговением окончив мою молитву, легла на постелю; но сон бежал от глаз моих, и мысль за мыслию безпрестанно последовала. День настал, а я еще и глаз не смыкала. Поутру, рано пришедши к Калиостру, нашла уже у него некоторых наших сочленов; я тотчас ему сказала, что со мною случилось. Он на ето отвечал, что мне бы надлежало больше дать покою душе моей, и не с таким внутренним волнением предаваться желанию видеть во сне брата моего. В следующей вечер советовал он мне несколько поспокойнее ожидать сна сего. Я всеми силами старалась заснуть, чтобы увидеть столь желанный для меня сон. Но душа моя наполнена была живейшими и непрерывающимися предметами, мысль с мыслию сцеплялась, и сон весьма далек был от меня; надежда и сильное желание вступить в союз с высшими духами произвели во мне холодной ужас: я желала заснуть, но сон, бежавши прочь, почти из терпения меня выводил. Потом в молитвах паки обратилась я к Богу, душа моя успокоилась; но уснуть я никоим образом не могла. В следующее утро, приехав к Калиостру, сказала я ему откровенно, что я ни на одно мгновение ока заснуть не могла, на что он, как будто несколько с сердцем, сказал, что он большия воображал во мне способности к мистической науке, нежели какия я имею, и что бы я уже не надеялась больше сей сон увидеть. Сие хотя было мне и прискорбно, однако ж я замолчала. А отцу моему и *** сказал Калиостр, что он принужден отлучить от души моей ожидание говорить во сне с духом брата моего, дабы чрез то возвратить мне сон; что он, однако ж, надеется в следующую ночь магической сон на меня наслать. В оной день Калиостр разговаривал со мной меньше обыкновеннаго. Ввечеру, когда мы стали разъезжаться, пригласил он к себе следующего утра в 9 часов

---

⁴¹ Сколь гнусныя мнения здесь Калиостр изъявляет, в етом нет нужды уверять. Между тем я столько тогда была им ослеплена, что здраво мыслить была не в состоянии. 1787.

⁴² Ето весьма было хитро. Ему чрез то хотелось различныя воображения о магии в душе моей столь живо вкоренить, чтоб я в следующую ночь во сне их могла видеть. 1787.

Г. фон Говена, отца моего, Г. Майора фон Корфа, дядю моего и ***, а мне при разставанье сказал, что и я могу тут же быть, хотя *Barba Jovis* (9) и не касается до меня; однако ж он хочет, чтобы я все примечала и во всем могла иметь участие, дабы я, по крайней мере, о каждой части сокровенного знания (*science occulte*) некоторое сведение имела. Мы разъехались, и лишь только я, по прочтении нескольких листов из Шведенборга, легла на постелю, тотчас заснула. Около полуночи начали мне грезиться престрашные сны, почувствовала я занятие духа, жар, биение сердца и такое порывистое движение во всех моих членах, что ни рукой, ни ногой не могла поворотиться и, лишась всех сил, лежала в крайнем изнеможении. Поутру, когда хотела я встать, ощущала в себе такую слабость, что с трудом могла с одного бока на другой перевернуться. И опять, хотя не совсем заснула, однако ж пришла в забывчивость, во время которой чувствовала я жесточайшие мучения и часто с криком от полусонного моего состояния пробуждалась. Когда прочие господа поутру собрались к Калиостру, то он им сказал, что составы тела моего настолько слабы, что он никак не мог наслать на меня магического сна, не подвергая жизнь мою опасности; что он было повелел важнейшим своим духам действовать на мои составы и предуготовить меня во сне к свиданию с братом моим, но сложение тела моего столь слабо, что при всяком заклинании представлялись мне страшные и прерывающиеся сны, от чего я и теперь, как он уведомился от духов своих, лежу в крайнем изнеможении; и что ежели бы он еще продолжал свое духопризвание, то бы вся связь тела моего совершенно разрушилась. Почтения достойной старик *** послан был от него ко мне с тем, чтоб меня к нему звать; а при том он ему сказал следующее: «Вы найдете эту милую барыню в крайней болезни, и как духи мои меня уверяют, в постеле в таком состоянии, что она теперь с нами видеться не может; однако ж эта болезнь ничего не значит, и около трех часов после обеда она будет опять в добром здоровье. Между тем не сказывайте ей ничего, что я с вами теперь говорю; поезжайте к ней и притворитесь, будто вы ничего об ее болезни не знаете; скажите ей, я весьма удивляюсь, что ее здесь нет, потому что она вчера обещалась сего дня в 9 часов утра здесь быть». *** приехал ко мне и нашел меня, так как Калиостр сказал, в постеле и не в состоянии ехать со двора. Из слов его я ничего приметить не могла, что говорил с ним Калиостр, а только сказал мне, что он после обеда опять меня посетит, только чтоб я была спокойна. Также и перед Калиостром обещал меня извинить, что я у него не была. После того, как я вскоре спокойно заснула, около трех часов стало мне действительно легче, и я, вставши с постели, пошла с нарочитою бодростию в мой кабинет, где я нечто писала (10).

В самое сие время Калиостр сказал сему престарелому и почтенному ***: «Извольте теперь съездить к Гж. фон дер Реке, вы найдете ее в кабинете за письменным столиком в нарочитом здоровье, привезите ее к нам, только ничего не сказывайте ей, что я с вами говорил». *** вошел ко мне и немало удивился, нашедши меня столь бодрю, и точно в кабинете за письменным столиком, а при том видевши, что я в 9 часов поутру лежала в постеле больна. И так, чувствуя себя здоровою, поехала я с *** к Калиостру, где нашла я отца моего и Г. фон дер Говена. При входе моем в горницу Калиостр протянул мне руку и сказал: «Вы! сударыня, нынешнюю ночь много пострадали, и отчасти сами в том виною. Когда вы уже с лишком нетерпеливо желали поговорить во сне с покойным вашим братцом, то я принужден был употребить мои силы, чтоб сие ваше желание исполнить. Ежели бы вы были сложением несколько покрепче и не имели бы к вашему брату такой необычайной любви, которая уже почти и меру превосходит, то бы я мог наслать на вас сон, которой бы ближе подвел нас к нашему предмету, и помог бы вам глубже проникнуть в священную мистическую науку. А теперь я вижу, что нам должно идти путем обыкновенным, однако ж при всем том, ежели вы в вашей ревности не ослабеете, то с вашими способностями можете вы наконец достигнуть до желаемого предмета. Еще должен я вам нечто сказать. Ганнахиил, покровительствующий дух, котораго я к вам приставил, и которой со дня вашего со мною союза за вами примечает и дает мне отчет о ваших мыслях и делах, уверяет меня, что вы единственно с печали о брате вашем приступа-

ете теперь к мистической науке⁴³ и что положение вашей участи посеяло в душе вашей первая семена склонности к магии. А для сей—то причины добрые духи и действовать над вами не могут, потому что вы магию не для магии любите, но для того, что смерть похитила у вас то, к чему душа ваша наипаче была привязана. (11) При всем том, однако ж, сегодня ввечеру вы будете присутствовать при магическом опыте, которой я буду делать, и я надеюсь, что вы и сами мало-помалу в подобных работах успеете». Запечатанную бумажку Калиостр у отца моего взял назад, потому что я желаемого сна не видала, и в тоже мгновение ока, не читав и не распечатав ее, сжег.

В сей вечер Калиостр делал следующий опыт в доме дяди моего и в присутствии некоторых сочленов нашей ложи. Сперва спросил он у меня о крестных именах господина N.N., коего я довольно знала, и об крестных же именах покойного брата моего. Когда я ему их назвала, то он написал начальныя буквы всех сих имен и между всякою буквою поставил какие то знаки, коих я не разумела. Потом оставался он в горнице на некоторое время один, писал всякую вещь, иное сжег и, пришедши к нам, сказал, чтобы мы научили дитя его попросить, чтоб он ему опять в той горнице что—нибудь показал. (12) Мать просила робенка уговорить Калиостра, чтоб он ему показал тот лес, которой он несколько дней назад уже показывал, или, впрочем, что ему угодно. Калиостр взял робенка на колена, тер ему голову сожженными пред тем бумажками, целовал его и сказал: «Дитя! И ты будешь со временем великой человек! Поди, любезной робенок, ты увидишь весьма важныя вещи». (13) Потом повел он робенка в ту горницу, в которой прежде писал. В ней ничего не было, кроме обыкновенных горнишних вещей: стояли только два подсвечника на письменном столике дяди моего, а между подсвечниками лежал исписанной знаками лист бумаги. Когда робенок вошел в сию горницу, то Калиостр, затворя в нее двери, дитяте сказал, что он должен спокойно дожидаться, пока обещанныя им прекрасныя вещи явятся, и чтоб он ничего не боялся, хотя бы в другой горнице и шум произошел, потому что ето ничего не значит. Мы в другой горнице сели все в круг прямо против затворенных дверей. Калиостр с обнаженною шпагою в руке стал посреди той же горницы, заповедал всем нам молчание, важность, благоговение и тишину. Потом делал он шпагою некоторые знаки на дверях той горницы, в которой был робенок; после того стучал ногою (14) то в землю, то в дверь, писал шпагою некоторые знаки на воздухе, произносил всякия имена и слова, коих мы все не разумели, а чаще всего слышны были нам следующие восклицания: *гелион, мелион, тетраграмматон*. Во время самых сих работ послала тетка моя старшаго своего сына в другую горницу посмотреть, все ли двери были заперты. Тогда Калиостр с ужасною запальчивостию вскричал: «Боже мой, что вы делаете? тише, тише, не шевелитесь; вы теперь в превеличайшей опасности, да и я вместе с вами». Он продолжал стучать ногою, кричал изо всей мочи некоторыя незнакомыя нам слова и имена, делал на воздухе всякия изображения и наконец около всех нас шпагою своею очертил круг. Стал сам в кругу и с превеличайшими угрозами сказал, что все мы будем несчастливы, ежели один из нас шевельнется, или хотя тихо что—нибудь скажет (15); потом опять начал свои заклинания, велел робенку, которой до тех пор все молчал и заперт был в горнице, чтоб он стал на колена, повторял все, что он ему станет говорить, и не прежде бы встал с колен, пока не увидит какого явления. Потом Калиостр опять застучал ногами, делал шпагою различныя движения и спрашивал у робенка: что вы теперь видите?

Робенок. Я вижу прекраснаго мальчика, которой мне недавно в лесу открывал землю.

Калиостр. Хорошо, попросите же етова мальчика, чтобы он показал вам господина N.N. с цепями на шее, на руках и ногах.

Робенок. Я вижу господина N.N., он, кажется, весьма печален, скован по рукам и ногам, также и на шее имеет цепь.

⁴³ Калиостр при сем случае столь хитро привел сие, как будто бы нечаянно, к разговору. Знав уже наперед от меня самой, что было причиною первого моего позыву к мистической науке. 1787.

Калиостр. Теперь что вы видите?

Робенок. Его маленькое прекрасное дитя час от часу крепче цепь на шее его стягивает.

Калиостр. Где теперь господин N.N.? (При сем вопросе робенок назвал дачу сего господина, которая на несколько миль от города отстояла.)

Калиостр. Ударя в землю ногою, велите, чтоб господин фон N.N. исчез, и попросите етова прекраснова мальчика, чтоб он показал вам покойного брата двоюродной вашей сестры фон дер Реке.

Робенок. Брат явился!

Калиостр. Весел он, или печален, и в каком он платье?

Робенок. Он, кажется, весел, и в красном мундире.

Калиостр. Скажите ему, чтобы он на то, что я в мыслях имею, знаком изъяснил, да или нет.

Робенок. Он говорит да.

Калиостр. Что он теперь делает?

Робенок. Он кладет руку против сердца и смотрит на меня с приятностию.

Калиостр. Что вы хотите теперь видеть?

Робенок. Ету маленькую девочку, которая похожа на вашу супругу, и которую вы недавно мне показывали.

Калиостр. Что вы теперь видите?

Робенок. Я вижу ету девочку.

Калиостр. Обоймите девочку, поцелуйте ее и попросите, чтоб она показала вам лес (потом услышали мы, что робенок целовал явление; а Г. Майор фон Корф и дядя мой утверждали, что они слышали поцелуй и от привидения, но мне послышался только один).

Робенок. Я вижу лес и в нем – срубленное дерево.

Калиостр. Попросите девочку, чтобы земля разверзлась.

Робенок. Земля разверзается, и я вижу пять светильников, золото и серебро, всякия бумаги, красной порошок и железные инструменты.

Калиостр. Теперь велите земле опять закрыться, всему лесу и с девочкой исчезнуть, и потом скажите мне, что вы видите?

Робенок. Все исчезло; а я вижу теперь красиваго высокаго ростом мужчину в весьма белом длинном платье и с красным крестом на груди.

Калиостр. Поцелуйте руку у етова человека, и заставьте его себя поцеловать. (Мы слышали два поцелуя; и после того Калиостр повелел сему привидению быть духом—хранителем для робенка.)

Потом Калиостр говорил опять по—арабски⁴⁴, стучал ногами в дверь, наконец их отпер и велел робенку выйти, а нам сказал, чтоб мы остались на своих местах; еще бранился, что дядя мой вышел из круга, и в то же мгновение ока упал в некоторый род порывистаго обморока. Мы бросились ему на помощь; после того как в чувство пришел, велел всем нам замолчать и пошел в ту горницу, в коей робенку казались привидения, запер за собою двери, и мы услышали, что он говорил неизвестным нам языком, напоследок отозвалось в ушах наших некое глухое смятение, а потом в совершенном спокойстве увидели мы и Калиостра, которой с торжествующим видом нам сказал, что он должен был наказанием господину N.N. и для того от нас отлучался, чтоб его жестоко наказать. Завтнешней день окажет нам, что N.N. в самой тот час, когда робенку казалось привидение и когда видел он его в цепях, чувствовал боль в горле и жестокой лом в костях. Он наименовал нам даже и лекаря, которой в ту самую ночь к больному будет

---

⁴⁴ Мы сиречь так думали, что это было по—арабски, а выше на странице 73 в письме из Стразбурга можно видеть, что Калиостр не мог по—арабски говорить с профессором Норбергом, приехавшим с восточнаго края. 1787.

призван. В следующее утро мы действительно услышали, что все так сбылось, как Калиостр нам предсказал. (16)

Обморок, которой он имел, продолжал он, не что иное был, как мучение, насланное на него от злых духов за то, что дядя мой вышел за черту, нас окружавшую; ибо при всяком духопризвании злые духи были в смятении и вооружались против того, кто по повелению доброго начала духов призывал. Чрез магической круг были они связаны и лишались своего действия. Когда я ему сказала, что мне это весьма непонятно, каким образом простая черта шпагою могла запретить духам действовать, то он отвечал мне на это следующими словами: действие магнита еще непонятнее, а магическое очертание и сила, коею он одарен, вразумительна только тому, кто имеет власть с помощью их обуздывать духов. Сие изъяснение, без сомнения, не могло нас сделать просвещеннее, но мы, может быть, оно для того тогда понимали, что мнили себя уже некоторым образом успевшими в сей превосходной науке⁴⁵. А что всего более при сем духопризвании повергло меня в неприятное удивление, так это то, что Калиостр ко вреду ближнего употребил власть свою и заставил страдать Г. фон N.N. Я нашла в себе столько смелости, чтоб ему это выговорить. На что он, потрепав меня по плечу, сказал: «Доброе и мягкосердное создание! сколь мало еще ты знаешь прямое положение и должности истинного мага! я и мне подобные нимало сами от себя не зависят, так как другие обыкновенные люди. Мы состоим в повелении *наших начальников*, коим мы *неограниченным послушанием* обязаны. О! ежели бы вы знали, с каким прискорбием принужден я иногда делать зло ближнему! но когда я себе вообразу, что я чрез то нередко избавляю от погибели целыя земли и народы, а может быть, еще и тех самых, кои чувствуют мое наказание, предостерегаю от вечнаго зла, тогда я получаю бодрость несумненно исполнять волю моих начальников. Пока ты, любезное дитя, не будешь иметь крепости, ежели нужда потребует, наказывать пороки для пользы ближних твоих, до тех пор будешь ты удержана в преддверии магии и никогда до внутренности храма не достигнешь».

Я продолжала: «Простите мне, что я хочу еще кое о чем вас спросить».

«Ежели вам угодно» – отвечивал он.

Я. «На лице вашем написано было некое торжествующее удовольствие, когда вы нам говорили, что Г. N. N. вами наказан и что вы ему с помощью ваших духов много зла причинили. Скажите мне, прилично ли это тому, кто другом человечества себя называет?»

К. «Признаться, что я в вас считал гораздо больше остроумия. Скажите мне, могу ли я в моем положении быть всегда то, что я есмь! и не должен ли я иногда, дабы совершенно узнать моих учеников, принимать на себя различныя склонности?»

Я. «Но к чему ж вам принимать на себя столько труда, когда вы с помощью служащих вам духов можете нас испытать?»

К. «Милое мое дитя! Ты разсуждаешь точно так, как слепой о цветах! Всякой день имеет свои определенные часы, в которые я могу совершать магическия действия и когда мне тяжкия и важныя работы назначаются. Из вас я только трех нашел таких, над коими смотрение поручил я служащим моим духам; а других я должен искушать наперед в естественной жизни, дабы узнать их сердечныя и душевныя способности и мало-помалу довести их до желаемого предмета. Ежели бы и вы уже с некотораго времени не были поручены моим духам, то бы я теперь обратил на вас мое внимание, ибо смелость, с коею вы со мною объясняетесь, и неповрежденное чувство человечества, которое при том за вас говорит, могли бы мне вложить в мысль, что в вас кроются величайшыя способности к магии».

---

⁴⁵ Из сего моего примечания, в коем я ни единого слова не переменяла, можно видеть, сколь велика была моя слепота, что я могла так ввериться в Калиострову чудесную силу, и что чрез сей ничего не значащий ответ мое сомнение могло быть успокоено. 1787.

Спустя несколько дней поехал Калиостр с женою своею, с господином фон Говеном, господином фон Корфом, с отцом моим и со мною в Вилцен к дяде моему, где мы уже его нашли с супругою, с дочерью и с обоими своими сыновьями. Калиостр взял меня одну с собою в карету и имел со мною некоторые разговоры о магии, кои зделали меня весьма примечательною в разсуждении его нравственных склонностей (к которым я уже начинала терять мою доверенность). Тогда открыла я глаза в разсуждении всего, что мне в нем не нравилось; и я должна признаться, что острота его и тонкость в знании людей удивляли меня не меньше магических его опытов. Прежде нежели я далее впусчусь в мое повествование, должна я здесь включить некоторое приключение.

По нескольких разговорах Калиостр спросил у меня: что бы такое думала я о Ц.? не могу ли я ему его яснее описать и рассказать некоторыя обстоятельства из его жизни? Я его знаю, однако ж не столь коротко, чтоб я могла удовлетворить ваше желание. (Мне известна была некоторая тайность в разсуждении Ц., которая бы могла быть ему несколько вредна и о коей я точно знала, что кроме двух друзей и моей матери, ни одна душа не ведала. Мать моя, запечатав клятвою уста мои, открыла мне сию тайну.) Калиостр смотрел мне в глаза весьма пристально и с значащим нечто голосом сказал: «Итак, сударыня! Вы ничего такого об Ц. не знаете, чрез что бы вы могли меня ближе познакомить с его склонностями и судьбою, а мне в том крайняя нужда».

Я. «Правду вам сказать, что я весьма мало знаю Ц.».

К. «Змея, кою я в пазухе моей питаю! ты лжешь! клянись, тотчас клянись предо мною, что ты никакой тайны в разсуждении обстоятельств его жизни не ведаешь, которая, кроме тебя, троим еще известна».

Признаться надобно, что я была тогда в крайнем изумлении. Я на несколько времени замолчала и сама в себе разсуждала, каким бы образом должно было мне в сем случае поступить, не наруша даннаго мною слова и не преступя моих правил, коим я в разсуждении праваго и неправаго дела следовала. Калиостр, с сердцем на меня взглянув, сказал: «Ну, притворщица! Что ты молчишь? Отвечай мне – так ты ничего не знаешь о Ц.?» На что я с весьма важным видом сказала: «Господин Граф! Мне весьма странен ваш поступок; я не понимаю, для кого вы играете ету шутку, когда я одна только с вами, я, которую, как вы сами говорите, стережет служащий вам дух Ганнахиил. Когда я не страшусь очей всевидящаго, коему открыта вся внутренность моего сердца, то может ли меня утратить Ганнахиил, если он, так как благодетельной дух, во глубину души моей проникает? Ежели же он не тот, каким я его теперь называю, то пусть он что хочет обо мне вам наскazujeвает. Я верую в того, пред лицом котораго трепещут демоны и чернокнижники; и я совершенно уверена, что он напоследок все неурейства в мире сем обратит к лучшему». Калиостр взглянул на меня весьма дружески, жал мою руку и сказал: «Добродетельная душа! Толикой скромности, такой твердости духа и такого благоразумия я не ожидал от вас, судя по вашей молодости. Поступок ваш в сем случае был столь благоразумен, что он далеко превзошел мое чаяние. Теперь уже могу я вам сказать связь дела сего. Мне приказано от моих начальников предложить вам етот обманчивой вопрос тогда, когда уже они наперед всю связь дела мне открыли, и то даже мне сказали, что матушка ваша для лучшаго вашего в разсуждении людей просвещения сообщила вам сию историю. Ежели бы вы во всем мне признались, то бы я имел тогда справедливую причину опасаться, что вы, по слабости вашей, и против будущих искушений не в силах будете устоять и можете со временем попасться в наипаснейшия для магии сети. А если же бы вы отважились мне дать такую присягу, тогда бы вы зделали первой шаг по тому пути, на коем бы вы со временем погрязли еще в вящие пороки, и я бы наконец принужден был мало-помалу вовсе вас оставить. Но теперь мы кончим етот разговор; однако ж я еще вам повторяю, что путь, ведущий к магии, весьма опасен и что из тысячи, по крайней мере, один только достигает до той высокой цели, чрез которую себя и других можно зделать благополучными, ежели кто, не повергаясь в бездну, избежит

от всех искушений; при всем том вы можете далеко по сему пути шествовать, ежели вы все свои душевныя и сердечныя дарования на то употребите». Здесь Калиостр замолчал, и я ничего ему не отвечала; однако ж это дело привело меня в ужасную задумчивость. Помолчав немного, сказал он мне, чтоб я безо всякаго изъятия никому из братьев и сестер того не открывала, что между нами случилось, будто бы для того, что он имел справедливыя причины еще до времени таить сию свою силу, которая открывает пред ним внутренность сердца человеческого. (17)

Когда мы стали подъезжать к Вилцену, тогда Калиостр говорил и молился тихо про себя на неизвестном языке, читал нечто из небольшой красной магической книжки и, увидя лес, с необычайным жаром вскричал: «Там, там лежат зарыты магическия писания! о! ты, великий мирозидатель! помоги мне совершить мое намерение!». Потом, несколько помолчав, продолжал: «Сии магическия писания и сокровища лежат под стражею наисильнейших духов, и кроме духов, никто их оттуда достать не может. Я ли тот счастливой, чрез посредство котораго оныя сокровища вынуты, сие известно только тому одному, кто меня послал. Но я наложу на духов, стерегущих сии сокровища, такое заклятие, чтоб тот, кто пойдет по следам моим, ничего не мог успеть без моего ведома и без помощи моей, хотя бы я был от него и за триста миль». Лишь только мы приехали в Вилцен, то он с господином фон Говеном, с отцом моим и дядею без проводника пошел прямо в тот лес, которой он прежде описал, и тамо показал сломленное дерево, под коим, по его словам, лежало охраняемое духами сокровище. Там надлежало ему опять одному про себя делать некоторое заклинание и одного из своих духов к оному месту привязать. Следующаго утра между 10 и 11 часов делал он опять с робенком магическую опыт в присутствии всех бывших тогда сочленов нашей ложи. При сем опыте он точно так же поступал, как и при первом, котораго я была свидетельницею, с тем только различием, что робенок был в той же горнице, в которой мы в кругу сидели, только за ширмами, а господин фон Говен в том же кругу стоял подле Калиостра. Робенку дал Калиостр держать большой железной гвоздь, велел ему стать на колена и прежде не вставать, пока не увидит уже знакомаго ему прекраснаго мальчика. Когда сей явился пред робенком, то Калиостр повелел духу с красным крестом явиться, вселиться в гвоздь и лежащее в лесу сокровище так охранять, чтоб никто без его ведома к оному приблизиться не смел. Также и без господина фон Говена сокровищу сему запрещено было наружу выходить. Потом велел он господину фон Говену преклонить колена, а духу с красным крестом – к нему прицепиться. После того Г. фон Говен делал робенку некоторые вопросы, кои Калиостр ему наперед сказывал. И когда Г. фон Говен говорил, то Калиостр прикасался к нему магическим своим мечом. Наконец Г. фон Говен должен был повторять за Калиостром следующие слова:

«Именем моего мастера и учителя Калиостра повелеваю я тебе, избранное в духовидцы дитя, заставить служащих великому нашему учителю духов показать тебе лес, в коем хранится сокровище, и вскрыть землю, которая оно покрывает».

Дитя. «Лес предстал, земля разверзлась, и я вижу лестницу с длинным подземельным ходом». Здесь велел Калиостр Г. фон Говену, которой во все время стоял на коленах, встать, однако ж остаться в магическом круге, а сам начал продолжать робенку вопросы.

Калиостр. «Сойди вниз по лестнице, сочти ступени ея вслух, чтоб мы могли слышать, а потом пройди до конца пещеры и скажи нам, что ты тамо видишь». Робенок счел ступени, и мы могли слышать, как он ступал по лестнице, слышали также и то, что он, спустившись вниз, зделал еще несколько шагов. Наконец робенок начал говорить:

«Здесь лежит множество золотых полос, золотых и серебряных монет, разных железных вещей, исписанных бумаг и еще красной порошок». (18)

Калиостр велел явлению исчезнуть. Потом делал он другое заклинание и спрашивал:

«Что вы теперь видите?»

Робенок. «Я вижу семь прекрасных мужчин, одетых в белое долгое платье: один из них имеет на груди красное сердце, другие же все имеют красные кресты и некоторые слова на челах их, но я не могу оных читать».

Калиостр велел сим духам вселиться в некоторые предметы, как ему за благо разсудилось, а робенку приказал обнять все сии семь духов, каждого из них поцеловать и себя дать каждому поцеловать (и оные четырнадцать поцелуев мы также слышали). Напоследок Калиостр велел явлениям исчезнуть, а робенку – выйти к нам, потом с робенком и с прочими господами пошел в лес, и на том месте, где были зарыты сии магическия писания, вколотил сей освященной заклинанием гвоздь. По прошествии восьми дней поехали мы вместе с нашими братьями, в магическом кругу посвященными, в Алт-Ауц к моей мачехе. Ибо отец мой был безпрестанно с Калиостром, которой тогда в Митаве совсем вселился в дом моих родителей. В Алт-Ауце нашли уже мы дядю моего с супругою, с дочерью и с меньшим своим сыном. Там Калиостр читал нам иногда в присутствии всех некоторые наставления; слушатели же его были только мы, сочлены ложи союза, покойная моя мачеха и еще две непросвещенныя особы. В оном своем чтении он не всегда был одинаков: иногда говорил он о вещах превосходных, а иногда столь много мешал между ими вздору, что мы все об нем в соблазн приходили. Но я могу сие чудесное иногда смешение глубоко соккрытыя мудрости с сущим безумием и мнимою злобою весьма ясно для себя в нем истолковать. (19) Также он сообщил нашим братьям тайность, каким образом из простой пеньки делать бобровую шерсть.

В первой день нашего приезде в Алт-Ауц сказал Калиостр меньшому сыну дяди моего, не зделав никаких магических приуготовлений: «Подите в ближайшую горницу, там увидите вы человека в белом длинном платье; скажите ему, чтоб он явился предо мною ночью, когда час ударит, и приготовился бы мне достоверно отвечать на все мои вопросы. Ежели вы все это зделаете, то велите привидению исчезнуть». Мальчик пошел смело в другую горницу, спустя несколько времени возвратился назад и сказал: «Я все нашел, так как вы сказали, и все то исполнил, что вы мне велели».

(20) На другой вечер Калиостр за затворенными дверями в присутствии всех тогда случившихся делал почти тот же опыт, которой видели мы в Вилцене, с тою только переменою, что он здесь никакого гвоздя не употреблял и посреди своего духопризвания дал знак господину фон Говену, чтобы он к нему подошел, велел ему стать на колена и спросил у робенка, кто теперь ему кажется. Робенок отвечал: «Говен стоит на коленах». Потом дал ему Калиостр свои часы: «Теперь что ты видишь?». Робенок сказал: «Говен держит в руках часы».

При сем должна я напомнить, что робенок стоял в той же горнице за ширмами. Однако ж прежде, нежели начал Калиостр призывать духов, велел мне осмотреть то место, на котором робенку назначено было явление. В оном не было никакого магического зеркала, и как бы робенок по сторонам ни ворочался, однако ж естественным образом никак нельзя ему было видеть того, что вне занимаемаго им пространства происходило.

Я должна признаться, что при сем магическом действии некоторые случаи были для меня весьма странны. Во—первых, казалось мне, что он не имел тогда ни малейшей причины делать заклинания⁴⁶; второе, что Г. фон Говен без всякаго худаго следствия переступил магическую черту; да и весь етот опыт с явлением своим и с часами, которые держал фон Говен, по моему мнению, безчестил цену магии. Сие мое сумнение открыла я Калиостру.

Калиостр вопреки мне сказал: «Вы всегда судите так, как слепой о цветах. Мне должно вам сказать, что пока еще вы пребудете в преддверии сих священных наук, до тех пор много непонятнаго будет с вами встречаться. Что ж касается до магической черты, за которую переступил Г. фон Говен, то на ето я должен вам сказать, *что при нынешнем моем духопризвании так положено было*, чтоб Г. фон Говен оную преступил; и для того я во время моего духоза-

---

⁴⁶ Смотри выше, где Калиостр говорит, что для пустаго любопытства не позволяется ему делать заклинания. 1787.

клипания тотчас велел моим духам охранять те места, по которым ходил Г. фон Говен. А для чего я Г. фон Говена представил в явлении, *этова я вам сказать не могу*; часы, которые я его держать заставил, суть не простые часы, а магические; ежели во время духопризвания держит их такой человек, коего стережет или Ганнахиил или Гавриил, тогда имеют они такое действие, какого от них пожелают мои начальники. Во всякое же другое время сила часов сих не действительна. Но когда духи, будучи призваны, около меня вьются, тогда не советую я никому, не приготовясь, до них притрогиваться. Сверх того имеют они еще и ту силу, что ежели кто в сих обстоятельствах несколько минут часы сии подержит в руках, то я несравненно скорее могу видеть, что в душе у него происходит, нежели у других». (21)

По прошествии восьми дней отправились все мы, которые приехали с ним в Алт-Ауц, обратно в Митаву. Дорогою много говорил со мною Калиостр о приличных местах, на которых намерен он утвердить сочленов ложи нашей, дабы силы каждого мог он так употреблять, чтоб они наилучшим образом для блага мира сего действовали. Все, что он в разсуждении сего ни говорил, рождало во мне почтение к его душевному расположению и приводило меня в удивление о его разуме; с того времени исчезло в мыслях моих все то, что иногда приводило меня в сумнение о непорочности его нравов. (22) Ежели бы он и тогда уже не зделал мне сильных доказательств о своей проникающей во глубину душ человеческих силе, то бы, по крайней мере, во время сего нашего в Алт-Ауце пребывания уверил он меня совершенно, что силы, превышающия человечество, точно в его власти состоят. Он не только назвал мне по именам всех тех, которые в чем—нибудь сумневались, но сказал даже и причины, на которых они сумнения свои основывали и от чего они при толиком избытии добрых свойств лишили себя сего счастья, чтоб быть магами. N.N., сказал он, был слишком уже предан любимой своей науке. Ежели душа к какому—нибудь знанию ощущает лишнюю склонность, то хотя сие ея упражнение весьма благородно, однако ж в таком случае в разсуждении высших духов она бы слишком по—земному мыслила; она тогда как будто скована, и духи не могут ее наградить тем блаженством, чтоб она могла быть полезна для рода человеческого и для высочайших селений. (23)

Швандер же, продолжал Калиостр, все хочет обнять одним разумом, верить ему уже — слишком много, а таинствам закона — весьма мало. При своих преизящных качествах сердца и духа он бы мог быть на сем свете весьма нужной человек, а по смерти бы, конечно, получил вечность. Однако ж до сего блаженства, которое бы он при своих редких дарованиях мог приобрести и усугубить, он никогда не достигнет, потому что он никакой веры за основание не полагает, а может назваться больше присмотрщиком, нежели участником таинственной мистики. Сверх того, болезненное его тело угрожает ему скорым своим разрушением и делает его, поелику он не имеет веры к магии, еще неспособнее к сообщению с высшими духами. Г. фон Медем Тительминде, если бы не испорчен был в разсуждении магии Швандеровым примером, имел бы изрядныя способности. Но он также все хочет понять разумом, которой не в силах еще изъяснить и той силы, коя магнитную стрелку всегда к северу побуждает. Господин Гинц, по неверию своему, преступил первую его и важнейшую заповедь, а тем самым зделал себя навеки для магии неспособным. Ибо он отважился расспрашивать у робенка о явлениях, которых Калиостр ему показывал. Если бы дух Гавриил уже с некотораго времени не был робенку покровителем, то бы Гинц мог быть в высочайшем степени несчастлив и лишил бы робенка счастья быть когда—нибудь удостоенным явления добрых духов. (24)

Время, которое Калиостр препроводил в Митаве, было нам одним только посвящено, а наше общество безпрестанно около его находилось. Мы желали принять в наше собрание еще некоторых друзей, но Калиостр не позволял уже больше входа никому постороннему. С великим трудом, однако ж, удалось нам познакомить Калиостра с ***, и, к удовольствию нашему, он ему понравился; только Калиостр не желал его иметь свидетелем тех разговоров, которые он держал с нами о разных отделениях магии. Три недели спустя поехали мы опять в Алт-Ауц для того, что Калиостр сам, да еще и до отъезду своего в Петербург, хотел принять в ложу

союза покойную мою мачеху и еще некоторых сочленов; а тех из них, в которых приметит он больше способности к магии, посвятит священной мистике. После того как новым нашим сочленам дан был третий степень, тетка моя просила Калиостра, чтоб и *** позволить быть при заклинании. Калиостр на это не соглашался, однако ж наконец сказал, что он намерен еще созвать духов в присутствии всех сочленов нашего ордена, которые сделают ему откровение не только в разсуждении будущего его в Петербурге пребывания, но и об некоторых из нас подадут ему объяснение.

После того, когда он всем нам назначил места и робенок поставлен был за ширмы, говорил нам вообще продолжительную речь, увещевал нас быть верными и ревностными к нашим работам, показывал нам опасности магии, а притом и ея благодетельныя втечения, которыя она в целом мире имеет; наконец с обыкновенными обрядами начал он свое заклинание. Робенку опять показались те же явления, которыя имел он в Вилцене и в последний раз в Алт-Ауце, с тою только переменою, что Калиостр сверх всякаго чаяния дал мне знак, чтоб я вступила в магической круг, велел мне стать на колена; взирая на меня быстрым взором, дал мне держать магические часы, а у робенка спросил, что он теперь видит. (25) Мальчик отвечал, что я стою пред ним на коленах с часами в руках. Кроме обыкновенных явлений, показался ему еще некоторой дух в длинном белом платье с золотым венцем на голове и с красным крестом на груди.

Калиостр велел робенку спросить у духа об его имени. Робенок спросил, как твое имя? Дух молчал. Спустя несколько времени Калиостр спросил: что ж, назвал ли дух свое имя?

Робенок. Нет!

Калиостр. Для чего ж нет?

Робенок. Для того, что он его забыл! (26) Тут Калиостр застучал ногами, делал шпагою на воздухе разныя изображения, говорил громким голосом на чужом языке (или неизвестныя нам слова) восклицания *гелион, мелион, тетраграмматон* (27) часто у него вырывались. А нам всем заповедал кротость, благоговение и тишину. Потом пошел за ширмы, где стоял робенок, и мы слышали, что он весьма скорым почерком нечто писал. Некоторые из нашего общества утверждали, что будто они чувствовали некое трясение под ногами и слышали некой отменной звук и треск, как будто бы что по полу в горнице каталось. Я и другие сочлены нашего общества ничего сему подобнаго не слышали. А двое из нас еще уверяли, что будто их невидимым образом некто за руки хватал. Калиостр с важным видом вступил опять в магической круг, повелевал еще некоторым духам являться, *** также представлен был робенку; и наконец видел робенок старого человека в черном платье.

По окончании заклинания Калиостр говорил всем нам речь следующего содержания: «Един от вас восстанет противу меня, яко Иуда, который меня предаст и будет стараться сделать мне вред. Сие откровение получил я в то самое время, когда дух стал нем и не нарек своего имени. Я умалчиваю о том, что сердце мое при сем откровении ощущает, и трепещу не за себя, но за того несчастнаго, которой предать меня готовится. Я состою под защитою великаго строителя мира; сила, избавившая пленнаго Петра из темницы, двойною стражею огражденной, защитит и меня, когда неприятели мои и предатель мой покусятся меня в прах обратить. Но никакая власть не возможет защитить того несчастнаго, которой довольно уже ослеплен, когда и против меня восстать дерзает. Я буду сожалеть и оплакивать его жребий; а помочь ему и сам я буду не в силах. Но вы! Вы, которые во благе утвердились, соедините молитвы ваши с моими, просите за того, которой из вас приближается к погибели, молитесь также и за меня, чтоб я мог избежать от всех искушений, коими меня начальник зла уловить старается, и устоять против грозящей мне перемены». (28)

По прошествии нескольких дней оставили мы Алт-Ауц. Время, которое Калиостр еще в Митаве жил, препроводил он в доме отца моего, и тогда уже никто больше из посторонних к нам допущен не был.

Он всякой день преподавал нам свои наставления на французском языке, хотя он весьма был в нем не силен и чрезвычайно худо говорил, в коих объяснял нам сокровенную премудрость магии в мистических изображениях. Объяснение его было весьма сильно и заключало в себе некое пленяющее красноречие; между тем, однако ж, говорено было столь много нелепостей, что мы всякую минуту в разсуждении его колебались; часто вырывались у него такие наставления, которыя меня опасаться заставляли, что не больше ли привязан он был к чернокнижию, нежели к магии. Когда я между четырьмя глазами о том его спрашивала и предостерегала его от демонских искушений, слыша от него такая учения, тогда он сыскал средство сие мне объяснить следующим образом: что будто он принужден иногда своим слушателям ставить такая сети, дабы заблаговременно разбить мысли тех, которые имеют привязанность к чернокнижию, и склонности их на другие предметы обратить, чтоб они в то время могли быть безвредны и не совсем бы к злему началу мысленно стремились. От нас по повелению своих начальников отправился Калиостр в Петербург. Перед отъездом своим открылся он нам, что он ни Гишпанец, ни Граф Калиостр, а имена сии и титуло принял он на себя также по повелению своих начальников (29). Он говорил, что он великому Кофте служил под именем Фридриха Гвалдо, настоящее же свое состояние должен он еще от нас таить, а может статься, в Петербурге уже явится он во всем своем величестве и сложит с себя теперешнее свое состояние и имя. Но и сей переворот может также до времени быть отложен. Равным образом не мог он еще тогда определить времени, когда ему надобно будет доставать магическия писания и сокровище в Вилцене. Однако ж он весьма был доволен, что предупредил посланника злаго начала и магическия сокровища так заградил, что вещи сии уже никогда не могут попасться в руки чернокнижников.

Когда я Калиостра просила, чтоб он позволил мне зделанные мною опыты сообщить одному моему приятелю, коего, однако ж, я в лице не знала, то он спросил у меня о имени сего человека. Я сказала, что ето был Лаватер, но Калиостру имя сие было неизвестно. Тогда я описала ему сего человека столько, сколько могла. Он еще спросил, где он живет. В Цюрихе, ответствовала я. В следующей день обещал он мне дать на ето ответ, потому что в важных вещах состоит он в повелениях своих начальников. Наконец получила я от него ответ; он дал мне сие позволение с тем только условием, что я еще год должна ждать, прежде нежели сообщу моему приятелю зделанные мною с помощью его опыты. В первом моем письме велел он мне себя именовать только Графом К., потом, когда Лаватер у меня спросит: «Сей Граф К. не тот ли великий Калиостр?», – тогда я должна отвечать: ето он самой. (30)

Отрывки из Калиостровой магической философии, о которой он со мною разговаривал, писанные также в 1779 году

Моисей, Илия и Христос суть три главные надзиратели нашего земного шара, и наисовершеннейшие франмасоны, какие только до сих пор на свете живали. Хотя они по щастливом окончании здесь славного своего подвига от сего земного шара вознеслись в горния селения, где они, являя свои силы и мудрость, составляют блаженство высших естеством тварей; хотя они теперь уже сами неизмеримое море творения наполняют новыми мирами, которые они во славу Создателя всех вещей производят; (31) однако ж содействие их на сей земной шар и попечение их об нас продолжается даже до сего дня, и каждой из них имеет здесь свое собственное невидимое воинство, которые, однако ж, все совокупно к одному главному предмету стремятся и разными путями противуборствуют злomu началу.

Франмасонство есть училище, в коем воспитываются те, которые к священной мистике назначены; однако ж нижние степени франмасонов не имеют ни малейшаго чувства о сих предметах, и их примечание в разныя стороны похищается, дабы их тайные начальники тем удобнее могли за ними примечать, и достойнейших из них употреблять к высочайшим намерениям.⁴⁷

Из сих сочленов самые лучшие выбираются тремя надзирателями нашего земного шара. Оные, избранные Моисеем, Илиею и Христом, суть тайные начальники франмасонов.

Калиостр есть один из избранных Илиею.⁴⁸ Он уже достиг до третьей степени. Ученики Илии никогда не умирают, ежели не предадутся чернокнижию; но они, когда окончат с похвалою земное свое путешествие, подобно превосходному их учителю, живые на небо возносятся. Однако ж они, прежде нежели дойдут до числа двенадцати, мнимую смертью несколько раз очищаются, но из собственного своего, так сказать, праху всегда оживают; следовательно, Феникс – не что иное, как уподобительное изображение сих благодетельных магов.

Из франмасонскаго заводу выбирается первое тайное отделение причетников Илии; число оных учеников состоит из семидесяти двух, они—то имеют сие лекарство, которое возвращает молодость и все силы природы содержит в одинаковом положении, так что многие из них живут в Мафусаиловы веки. Однако ж лекарства сего они никому не смеют дать без ведома своих начальников.

Второй степень мало-помалу набирается из сих и состоит из сорока девяти сочленов. Оные знают таинство красного порошка, или, чтоб определеннее выразить вещь, они знают средство все металлы в степень золота возвышать. Также они имеют силу в одно мгновение ока сообщать своим старшим больше, нежели за сто миль, свои нужды.

---

⁴⁷ Столь многие благородные и достойные люди не должны ли наконец обратить к тому свое внимание, что они от незнакомых людей, которые начальниками себя называют, от людей, которые послали такого человека, каков Калиостр, неприметным для них образом к неизвестным намерениям употребляют? Сие мнение, которое также и от других мест в тайных обществах было рассеваемо, как я вижу из напечатанных сочинений, и между прочими из *Анти—Септ—Нукез*, часть II (например, стр. 13, 28, 33, а наипаче стран. 42, 44, 49, 61, 69, 70 и т.д.). Сие мнение, говорю я, не должно ли наконец возбудить нешуточное на себя внимание? Благородной человек, коего дела управляются разумом, законом и чистыми, на здравом разсудке основанными нравственными правилами, не должен на сие равнодушно взирать, когда другие неприметным образом захотят его душою по своей воле располагать. Многие в самом деле благородные и почтенные люди сего ордена, без сумнения, не имеют нужды в моем совете. Но, по любви моей к истине, они должны меня в том простить, что я вознамерилась их остеречь в том, что для меня, по зрелом размышлении и по сравнении собственных моих опытов и многих других случаев, в так называемом магическом Калиостровом учении еще яснее и вразумительнее кажется.

⁴⁸ Теперь, по получении лучшаго понятия, я весьма тем огочаюсь, что такой человек, каков Калиостр, мог иметь столько смелости, а чаятельно и теперь еще имеет, так как избранный Илии выдать себя за тайнаго начальника толикаго множества благородных, откровенных и прозорливых людей, которые называют себя франмасонами. А сие еще пуще меня огорчает, что ему (как видно будет из следующей страницы), несмотря на то, что обманы его в Митаве и в Варшаве открылись, после и в Лионе еще до высочайшей степени достигнуть удалось.

Из сих сорока девяти выбираются тридцать пять. До сего степени, как он нам говорил, доведен был Калиостр; а из оных выбираются двадцать четыре. Сии два степени суть наиопаснейшие, потому что злые духи делают великия покушения на сих сочленов магии, дабы их отвлечь от доброго начала; а кто достигнет до пятого и последняго степени, тот уже вовеки в совершенствах возрастает.

В сем последнем земном степени сочленов бывает только двенадцать. Теперь следует важнейший предел времени, а именно когда один из сих двенадцати, подобно Илие, возмется в высочайшия селения для содействия над другими мирами, тогда из оных четырех отделений достойнейшие члены место сие занять должны.

Если мы чрез несколько времени услышим, что он умрет, а потом опять, что он жив, то из сего можем мы заключить, что он устоял против всех искушений злых духов и возведен в четвертой степень. (32)

Кто из нас будет наивернейший и наисправедливейший, коего душа предастся магии единственно из блага намерения, тот может надеяться – хотя бы то был мужчина или женщина, – при первом опорочившемся месте вступить в число семидесяти двух. (33)

Царица Савская, о коей повествование в Ветхом Завете скрывается совершенно в магических изображениях, а объясняется только частию, достигла в магии до высочайшаго степени, до коего еще ни одна женская душа достигнуть не могла. Но напоследок уже сделалась она слаба противустоять искушениям злых духов; и повествование ея, вразумительное лишь одним истинным магикам, в приключениях Калипсиних изображается.

Богословие Греков – Зендавеста, Эдда и Библия – суть также книги, магии посвященные.

Круг и треугольник суть магическия священныя изображения. Три и девять, два и семь, суть числа также священныя. Тот, кто постигает силу сих чисел и изображений, близок уже к источнику блага, слово *Егова* заключает в себе дважды три и имеет силу неизмеримую.

А когда есть священныя числа, то должны также быть и священныя буквы. И для того никто да не дерзает без глубочайшаго почтения взирать на буквы J. H. S., их выговаривать или об них мыслить; ибо в них заключается вся премудрость и источник всех благ. Тот, кто знает истинное достоинство сих букв, близок к вечному источнику всякаго блага.

В Библии не достает трех глав⁴⁹, которыя в руках лишь у одних магиков хранятся. У того, кто хотя одну имеет из сих глав, состоят уже в повелениях сверхъестественныя силы.

Кто J. H. S., солнце, круг и треугольник, 2 и 7, 3 и 9, и слово Егова не содержит в почтении и не достиг до истиннаго познания сих букв, чисел и слов, тот никогда не увидит сих недостающих в Библии глав. Сии главы заключают в себе высочайшую премудрость, которая светом управляет». ⁵⁰

---

⁴⁹ Пусть всякой себе представит, сколь вредныя может иметь действия для чистаго Христианскаго закона сие мнение, рассеваемое в тайных обществах от такого человека, каков Калиостр. Библия есть слово Божие и источник нашего закона. И так, ежели мнимые сии магики, имеющие сообщение с J. H. S., уверяют нас, что они больше знают слова Божия, нежели все Христиане, а притом еще имеют нечто и такое, чрез что приобретаются сверхъестественныя силы, тогда они именем Божиим до всего нас могут довести.

⁵⁰ Не весьма ли ето ясно сказано, что сие самое есть премудрость, чрез что свет от J. H. S. управляется? Таковая премудрость заслуживает ли, чтоб кто—нибудь ей себя посвятил? Я надеюсь, что из сего всякой весьма ясно может постигнуть, в чем состоит намерение всякой магии, которая с некоего времени столь рачительно производится, и намерение тех высланцов, которые оную производят; благодарю Бога, что я его благостию от прежней моей веры в так называемую магию совершенно избавилась.

Здесь следует нечто из тех наставлений, которыя Калиостр в Алт-Ауце нам преподавал. (34)

Потопов в свете было больше, нежели один; сие испытатели естества могут доказать из слоев земли. Древность земли превышает всякое человеческое понятие. Нельзя, однако ж, Моисея в том укорить, что он в разсуждении ея древности зделал ложное изчисление времени, ибо магикам сие вразумительно. Вредно любопытство, ежели оно не на добродетели и не на побуждении к совершенству бывает основано; Лотова жена служит в том доказательством. Моисей, Илия и Христос иногда посещают на нашем земном шаре сии священные беседы. В тайных мистических обществах есть некоторые, кои множество веков жизни своей считают.

Священное писание наполнено изображениями глубокой магии. Юдифь спасла Бетулию смерти Олоферна! Истинная премудрость тогда ею обладала, ибо она уже достигла совершенства души, понеже она уверена была, что повеления ея начальников были для нея в высочайшем степени священны⁵¹, ибо они ничего такого повелевать не могут, что бы не послужило к скорейшему производству благих намерений великаго зиждителя мира; таким—то образом слабая жена имела силу умертвить того, которой бы долговечною своею жизнию мог дать перевес стороне злаго начала.

В то время тайная мистическая премудрость мужчинам и женщинам равно была свойственна. Но они ни суетному честолюбию, ни чувственным приятностям не были так, как ныне, преданы, а для того они уже и в брэнной своей одежде имели счастье быть в сообществе с высшими духами.

И ныне еще также могут содеваться всякия чудеса, о которых упоминает священное писание, ежели только мы от всех чувственных предметов себя очистим, ежели с благородною ревностию будем искать совершенства и ежели к усугублению всеобщаго блага почувствуем в себе такую же склонность, какую ощущал Курций, подвергая себя самопроизвольной смерти.

Крепость души есть первое средство к продолжению века своего и первая добродетель совершеннаго масона. Чрез нее достигает человек до высочайших сил; однако ж есть и физическая средства, помощи коих можно жизнь свою до нескольких веков продолжить». (35)

«Александр великий и теперь еще живет в Египте и составляет некоторое общество магигов, которые пекутся лишь об одних героях и воинах и которые, по воле великаго миров зиждителя, охраняют и наставляют тех, коим мнимая власть на сем свете в руки дана. Фридрих великий защищается и охраняется духами, служащими Александру».

«Власть Королей и Князей принадлежит им только по одному виду, в самой же вещи состоят они под властию магигов, добрых или черных, а от того происходит, что они царствуют или хорошо и счастливо, или жестоко и мучительски». (36)

«Всякой металл доводить до совершенства золота есть такая наука, которая тому никогда не дастся, кто захочет употребить золото не для богоугодных намерений, но для своего тщеславия и кто на сей только конец и иметь его желает, что оно золото».

---

⁵¹ Пусть каждый разсудит, сколь гнусное учение выводил здесь Калиостр. По его словам, тайныя его ученицы должны так же убивать, как Юдифь, в случае ежели старшие его то ему повелят! О! Так далеко нас доводить, без сумнения, был он не намерен. Однако ж подобное сему наставление, которое он здесь случайно нам выговорил, что начальники ничего такого не могут повелевать, что бы не согласно было с Божиими намерениями, и что им без изъятия во всем должно повиноваться, такое наставление, говорю я, влечет за собою ужаснейшия следствия и дает незнакомым людям, которые посылают таких бродяг, каков Калиостр, невероятную и опаснейшую власть. После того случилось мне читать, что Езуиты утверждают, что все повеления их начальников и все то, что от их общества происходит, служит к усугублению славы Божией. Сие есть то же самое, что Калиостр говорил о смертоубийстве, Юдифою учиненном, которую он под видом таинственнаго знака (символа) магии изображал. 1787.

«Некоторым из наших сочленов может он сообщить красной порошок, или, чтоб определеннее выразить, сие первое вещество, чрез которое могут они металлы в золото обращать, дабы между тем увидеть, как всякой из них сим даром будет пользоваться. Однако ж он имеет власть за сто миль и больше уничтожить действующую силу порошка сего и чрез то наказать каждого недостойнаго члена из нашего общества». (37)

«Соломон, коего строение храма в некоторых обществах приемлется за уподобительное изображение, путешествуя к магии, отпал было от добраго начала, однако ж опять обратился на путь истины и от злаго избежал. Предание о падении Ангелов не что иное есть, как уподобительное изображение отступления от белой магии к черной».

Примечания и объяснения на записки 1779 года, писаны по получении лучшего понятия.

В Митаве 3 февраля 1787 года.

1) Ежели я вообразу себе тогдашний Калиостров поступок, то я почти наверное могу заключить, что он был подослан от Езуитов. Во время его здесь пребывания старался он подобрать себе сообщников, из коих большую часть он разными образами умел обмануть, дабы с помощью оных мог он тем с большею славою вступить в Санктпетербург, что, как из следствия можно заключить, было главным предметом на севере путешествия. Он истощил всю свою хитрость, дабы довести меня до того, чтобы я поехала его провожать в Петербург; ибо он умел весьма вероятно нас уговорить, что он Великую Монархиню всея России примет в ложу яко защитницу ложи союза, а я, по ево словам, назначалась в Петербурге быть учредительницею сей ложи. Выгоды, которые он предвещал всей нашей земле, были столь велики и вероятны, что добродушной мой родитель как усердный сын отечества и многие другие неотступно меня старались уговорить, чтоб я с сею Калиостровскою четою в путь отправилась. Я буду после говорить, каким образом освободилась я от сего несчастья, чтоб быть проводницею сего шатающегося волшебного рыцаря, чего собственное мое семейство желало, не воображая нимало о следствиях такового поступка, столь сильно умел обманщик сей овладеть их доверенностию! Итак, я еще раз буду просить читателей сего сочинения, чтоб они задуманное Калиостром намерение при чтении моих 1779 года записок ни на одну минуту с глаз не спускали, ибо тогда гораздо яснее можно будет понять, для чего он преимущественно на меня обратил свои взоры, почему моя благонамеренная склонность к сумозбродному мечтанию показалась ему более способною к произведению в действо его намерений, для чего он всегда питал душу мою сверхъестественною надеждою и какая ему была в том надобность, чтоб я его за чудотворца считала; потому что ево вступление в Петербург было бы тогда гораздо славнее для охотников до чудес, ежели бы при одобрениях, данных ему от множества франмасонских лож, еще и дама из почтенного дому, да и по желанию родительскому, его туда провожала. А как я тогда весьма была уверена, что Калиостр одарен был сверхъестественными силами, то бы я без всякаго сомнения доставила ему множество учеников и учениц, ибо, как Виланд говорит, мечтающее сумозбродство как зараза прилипчиво; сверх того, ежели открытая и мечтою воспламененная душа что—нибудь подтверждает с нелицемерными знаками чистосердечия, то сие, без сомнения, во всех тех душах, которые имеют подобныя склонности, рождает доверенность и согласие. Хотя Калиостр не мог достигнуть до своего желания, чтобы Премудрую ЕКАТЕРИНУ, которой противно всякое суеверное сумозбродство, завести в сети суеверия, однако ж что он имел такое намерение, сие теперь нарочито ясно кажется. Ежели я и ныне еще живо вообразу ту опасность, от коей я, благодаря моего Создателя, избавилась, тогда я чувствую непреоборимое побуждение с чистым сердцем исповедать заблуждения души моей, дабы чрез то предостеречь всякаго добродетельнаго человека от мрачнаго в законе мечтания, от сильнаго мыслей напряжения, от жадности к чудесам и от сообщества с духами, коих Божеское провидение ненужными сочло для света сего, где предписаны нам наши должности, служащая ко благу наших ближних и к собственному нашему исправлению, а определило их для будущаго совершеннейшаго состояния.

2) Покойной Надворной Советник Швандер, муж, коего память всякому священна, кто знал сего разумнаго и тщательнаго друга человечества, муж, которой при жизни своей был оракулом, не только друзей своих, но и всей нашей земли, предостерегал всех нас от обяза-

тельств с Калиостром, и весьма сомневался, будет ли полезно вступить в сию вновь учреждающуюся ложу союза. Сей навеки от меня незабвенный муж был воспитан в одном университете с отцом моим и дядею и был им искренний друг. Он всегда за долг себе почитал чрез свое обхождение подавать пример и наставление детям сих друзей своих. В течении моей жизни он всегда был для меня неусыпный друг, коего труды и учение на веки в моем сердце останутся, ибо он знал и весьма противился моей склонности к сумозбродству. Хотя правила его к достижению блаженства, основанныя на чистоте души и на совершенно безкорыстной любви к ближнему, были для меня весьма почтенны; однако ж я с сим мудрым другом в основаниях закона была не согласна. Ибо он ничему не верил, что противуречило его разуму, а я имела полную веру к непрерывно продолжающейся чудесной силе молитвы смиренных Христиан и мало-помалу сего почтения достойного мужа к сей вере обратить желала. С помощью Калиостра надеялась я ближе подойти к моему желанию, и когда сей сделал нам предложение к восстановлению ложи союза, тогда я и Швандера в сочлены оной ложи предложила. Как скоро господу фон Говен, отец мой и дядя открыли Швандеру наше намерение, то он весьма сильно противился учреждению сей ложи и до того довел друзей своих, что они нашли основательными его рассуждения. Меня уговаривал он с отеческою горячностью, чтоб я предостерегла себя от сетей, Калиостром нам поставленных, ибо он признавал нашего героя за плута и за обманщика. Из некоторых разговоров приняла я Калиостра за божественного человека, коему высшие духи повиновались, и оплакивала внутренно неверие друга моего, которой хотел меня лишить сего блаженства, чтоб с высшими существами вступить в сообщество. Наконец Калиостр чрез мнимое превращение ртути в серебро и чрез первой магической свой опыт довел до того Г. фон Говена, отца моего и дядю, что они подали свое согласие к учреждению ложи союза. Тут опять Швандер имел со мною сильную ошибку: он употребил всю власть, которую он имел над моею душою, чтоб меня удержать. Все его разумные советы, на которые истощил он все свое пленяющее красноречие, не имели надо мною никакого действия. Ибо я столь твердо надеялась чрез соединение с высшими духами достигнуть до чрезвычайных сил, что разумныя его увещания казались мне заблуждением, которое я внутренно оплакивала, словом сказать, я не могла об нем без сожаления вспомнить. Наконец открыла я ему мои мысли с твердою решимостию, что ежели он не захочет вступить в сие общество, я крайне об етом буду сожалеть, однако ж при всем том сочленом оною быть никогда не отрекусь. Вечно не выйдет из моей памяти взор и голос, с коим Швандер сквозь слезы мне сказал: «Любезной друг! Жадность ваша к чудесам раздирает мое сердце! Пока она в вас не истребится, до тех пор будете вы игрищем всякаго обманщика, которому вздумается мнимою добродетелью вас ослепить. Ежели я не могу вас отвести от пропасти, над которою вы стоите, иду и я за вами вслед туда, куда влекут вас суеверие и мечта, дабы везде, где только можно, подать вам руку помощи и заставить вас примечательными очами взирать на все то, что противно разуму, что унижает содеателя всех благ и что наконец наилучшие нравы испортить в состоянии. Я, я сам хочу быть посвящен от вашего духовидца и для виду сделаться дураком. Ибо сие называется дать себя за нос водить, ежели поверить тому, чему чудесник ваш там учит». Я, будучи вне себя от радости, возымела надежду, что ето сделал он первый шаг к своему обращению на путь истины. Но он с огорченным духом продолжал: «Ежели когда меня не будет на свете, и обстоятельства избавят вас от вашего заблуждения, тогда вы совершенно почувствуете цену жертвы, которую я вам теперь приношу». Сей прямодушный человек подговорил еще двух друзей с тем же намерением, с каким и он, вступить в ложу союза.

3) Я должна признаться, что описание сего первого мистического опыта весьма меня поразило, и я, по тогдашней моей к чудоверию склонности, столь много возмечтала о Калиостре, что после того я уже ни о чем спокойно судить способности не имела. Дом же, в котором производился сей опыт, столь далеко отстоял от дому дяди моего, что никакое бы оптическое зеркало туда не могло действовать; и сие самое еще больше утвердило меня в тех мыслях, что

Калиостр действительно имел власть, как он уверял, над безплотным сонмищем; а для сей—то причины я столь подробно описала в моих записках 1779 года сие обстоятельство, дабы чрез то представить его нашему чудолубивому потомству как такого человека, для котораго и сверхъестественные действия были возможны. Сего плутовства хотя я и не могу теперь точно развязать, однако ж безо всякаго сумнения можно заключить, что он весьма естественным образом нас обманывал; ибо, как из следствия окажется, все сие был обман и тайное согласие между им и мальчиком. Ежели бы мы тотчас в то же время вздумали безпристрастно за Калиостром примечать, то бы без сумнения весь его обман вывели наружу и могли бы открыть, что он, может быть, чрез какого—нибудь своего разсылщика заранее сведал о неожиданном приезде брата моего и знал уже наперед, что сестра моя была нездорова. Но после восьми лет нет никакой возможности вникнуть во всю подробность столь хитро и осторожно затеянного обмана.

4) Господин Обер-Бург-Граф фон дер Говен, коему я листы сии, так как нашему начальнику, прежде печати отдала на рассмотрение, сказал мне, что он для того единственно был первым надзирателем в ложе нашей, чтоб воспрепятствовать Калиостру впускать в оную более непросвещенных (*Profanen*), ибо он во многих из нас приметил, что нас уже ничто не могло отвлечь от нашего намерения, и для того принужден он был согласиться на возстановление сей ложи, с теми, однако ж, мыслями, чтоб совокупно с другими франмасонами прилежно смотреть, какой дело сие примет оборот, и иметь бы в руках власть, запретить принимать братьев и сестер, дабы вся сия связь мало-помалу, по времени и по обстоятельствам сама собою могла исчезнуть.

5) Мне весьма теперь странно кажется, что Калиостр, которой учеников своих обязывал к наистрожайшему молчанию, сам между тем с великою хитростию старался в непросвещенном свете так называемыми своими чудесными силами почтение возбудить. В сем случае отличался он ото всех мнимых высоких тайнообладателей, которые лишь строгою своею тайною и молчанием умели составить подвластное себе общество, над которым они полную власть приобрели, ибо самой сей таинственной мрак начальника вперяет в членов некое священное почтение, чрез которое они предуготовляются без точнаго изследования верить всяким повестям о сверхъестественных явлениях, которыя будто в наши нынешния времена случились. Но я опять к Калиостру возвращаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.